

АФРИКАНСКИЕ ВОЙНЫ

КРОВАВЫЕ
РЕКИ
ЧЁРНОГО
КОНТИНЕНТА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИПЛЕ

Документальный триллер

Коллектив авторов

**Африканские войны. Кровавые
реки черного континента**

«Алисторус»

2024

УДК 960
ББК 63.3(6)

Коллектив авторов

Африканские войны. Кровавые реки черного континента /
Коллектив авторов — «Алисторус», 2024 — (Документальный
триллер)

ISBN 978-5-00222-278-0

На протяжении всего двадцатого века Африка была объята непрекращающимися войнами: сначала между колониальными державами за господство над её богатствами, потом между колонизаторами и национально-освободительными движениями, а после между новыми политическими силами в уже независимых государствах. Менялись обстоятельства и политические режимы. Колонизаторы сменялись, приходили и уходили, на место колонизаторов пришли местные диктаторы, вожди, даже императоры. Не менялось лишь одно — война. Новые поколения росли на пепелищах, чтобы снова и снова выходить на тропу войны. Неужели это никогда не закончится? Неужели «воюющий континент» так никогда и не узнает мира? В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 960
ББК 63.3(6)

ISBN 978-5-00222-278-0

© Коллектив авторов, 2024
© Алисторус, 2024

Содержание

Илья Полонский	6
В.А. Рыжов	11
В.А. Рыжов	32
Евгения Барсова	38
Антон Ляпин	46
Илья Полонский	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Марат В. Нигматулин
Африканские войны. Кровавые
реки черного континента

© Нигматулин М.В., составитель, 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

Илья Полонский

Великая африканская война. За что погибли пять миллионов человек

Двадцать лет назад, в августе 1998 года, началась одна из самых кровопролитных войн в современной истории. Огромное количество жертв, девять стран-участниц и невероятная жестокость, проявлявшаяся всеми сторонами конфликта, позволили называть этот вооруженный конфликт Великой африканской войной. Учитывая, что события на Черном континенте в прессе освещаются редко, подробности этой страшной войны плохо известны. Ведь с европоцентристских позиций гибель сотни англичан или французов рассматривается как трагедия, а смерть десятков тысяч африканцев остается практически незаметной.

События, о которых пойдет речь ниже, развернулись на территории второй по площади страны африканского континента – Конго со столицей в Киншасе. Территория этого государства очень богата природными ресурсами, лесом, пресной водой. У Конго – колоссальный потенциал для развития, поскольку земля этой большой страны таит в себе не только алмазы, медь и золото, но и очень нужный для современной промышленности колтан. Многострадальное государство получило независимость в 1960 году. До этого Конго было бельгийской колонией. В свое время именно о действиях бельгийских колонизаторов написал публицистическую книгу «Преступления в Конго» Артур Конан Дойл. Патрис Лумумба и Моиз Чомбе, африканский поход Эрнесто Че Гевары – это все тоже история Конго. В 1965 г. власть в стране захватил начальник генерального штаба Жозеф-Дезире Мобуту.

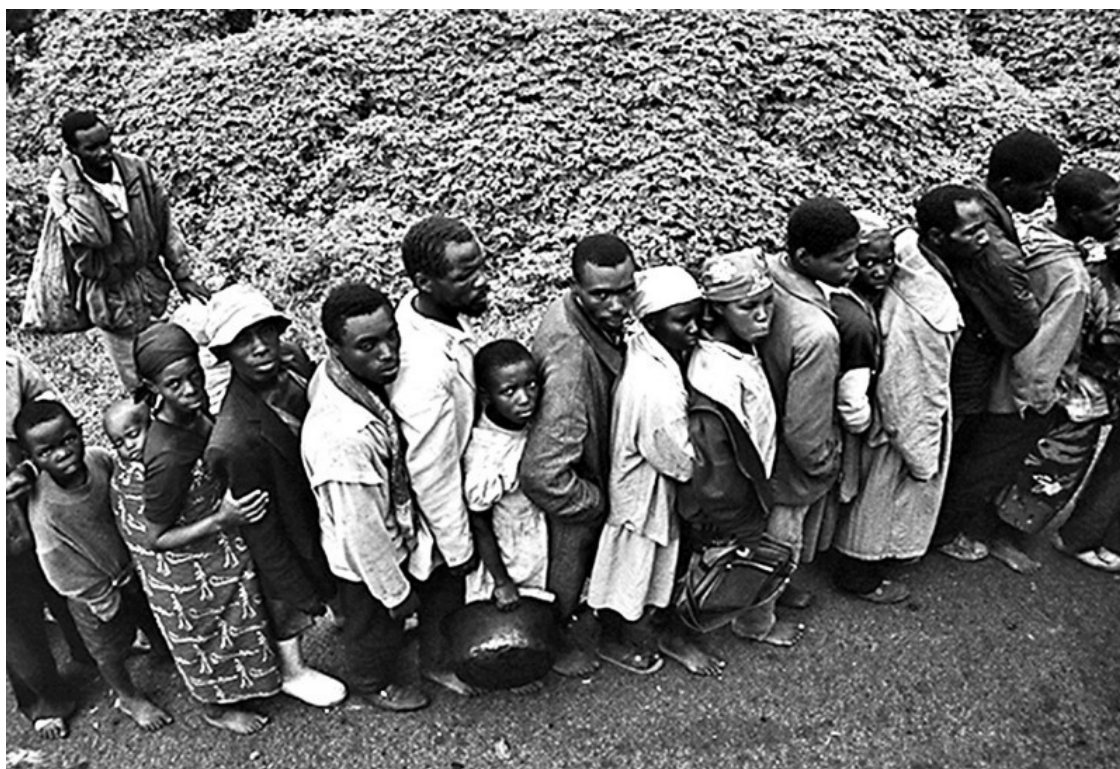
Бывший сержант бельгийских колониальных войск, а затем журналист одной из столичных газет, Мобуту после провозглашения независимости страны сделал головокругительную карьеру и стал одним из самых влиятельных политических деятелей Конго. Придя к власти, он вскоре переименовал Конго в Заир – это название страна носила с 1971 по 1997 годы, а сам принял традиционное африканское имя Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду ва за Банга. Главной идеологией Мобуту, присвоившего самому себе в 1983 году звание маршала, разумеется, были деньги, но официально он заявлял о приверженности традиционным африканским ценностям и верованиям. Поскольку Мобуту был ярким противником коммунизма и советского влияния в Африке, он пользовался большой поддержкой со стороны Запада. Американцы и европейцы закрывали глаза и на провальную экономическую политику, и на репрессии против оппозиции, и на невероятный уровень коррупции.

Вплоть до начала 1990-х годов Мобуту был нужен Западу как один из наиболее убежденных антикоммунистических лидеров Африки. Заир под властью Мобуту оказывал поддержку антикоммунистическим и антисоветским движениям в соседних странах, в первую очередь в Анголе. Однако ослабление и последующий распад Советского Союза в 1991 году привели к изменению политики США и стран Запада на африканском континенте. Такие одиозные политики как Мобуту потеряли свою значимость, более того – в изменившейся ситуации они скорее дискредитировали Запад и декларируемые им ценности. Но если интерес к Мобуту был утрачен, то богатейшие природные ресурсы Заира по-прежнему привлекали внимание самых разных заинтересованных сторон, в первую очередь – американских и европейских корпораций.

Политическая обстановка в Заире никогда не отличалась стабильностью. Периодически страну сотрясали вооруженные конфликты, часть ее территории центральные власти не могли контролировать даже в лучшие годы. Еще больше положение в стране осложнилось после начала гражданской войны в соседней Руанде. Два народа тутси и хуту, составляющие основное население Руанды и исторически враждовавшие между собой, вступили в войну не на жизнь, а на смерть. Довольно быстро хуту одержали победу, вырезав до миллиона тутси. В

соседний Заир хлынули сотни тысяч беженцев – тутси. Однако затем к власти в Руанде пришел Руандийский патриотический фронт, сформированный тутси, после чего в Заир побежали уже хуту, опасавшиеся возмездия. Война между двумя руандийскими народами продолжилась на территории соседней страны.

Находившиеся в Заире тутси подняли восстание против Мобуту и захватили ряд городов, включая столицу провинции Южное Киву Букаву и столицу Северного Киву Гому. Этой ситуацией сразу же воспользовалась конголезская оппозиция – Альянс демократических сил за освобождение Конго, который возглавил Лоран Дезире Кабила – партизанский лидер с тридцатилетним стажем, в прошлом – соратник Эрнесто Че Гевары во время его африканского похода. На протяжении двадцати лет, с 1967 по 1988 гг. Кабила контролировал горные районы провинции Южная Киву, западнее озера Танганьика, где создал собственное «народно-революционное государство», существовавшее за счет добычи и контрабанды полезных ископаемых, грабительских набегов и военной помощи Китая (Кабила считался маоистским, прокитайским политиком). В 1988 году Кабила таинственно исчез, а спустя восемь лет, в 1996 году, вновь объявился и поднял восстание против Мобуту. Поддержку Кабиле оказали соседние страны – Бурунди, Руанда и Уганда, имевшие собственные претензии к Мобуту. Поэтому уже в мае 1997 года Кабила одержал полную победу над Мобуту, который бежал из Заира. 20 мая 1997 года Лоран Кабила вступил в столицу страны Киншасу и провозгласил себя новым президентом страны. Заир был переименован в Демократическую Республику Конго (ДРК).

Бегство населения во время Великой африканской войны

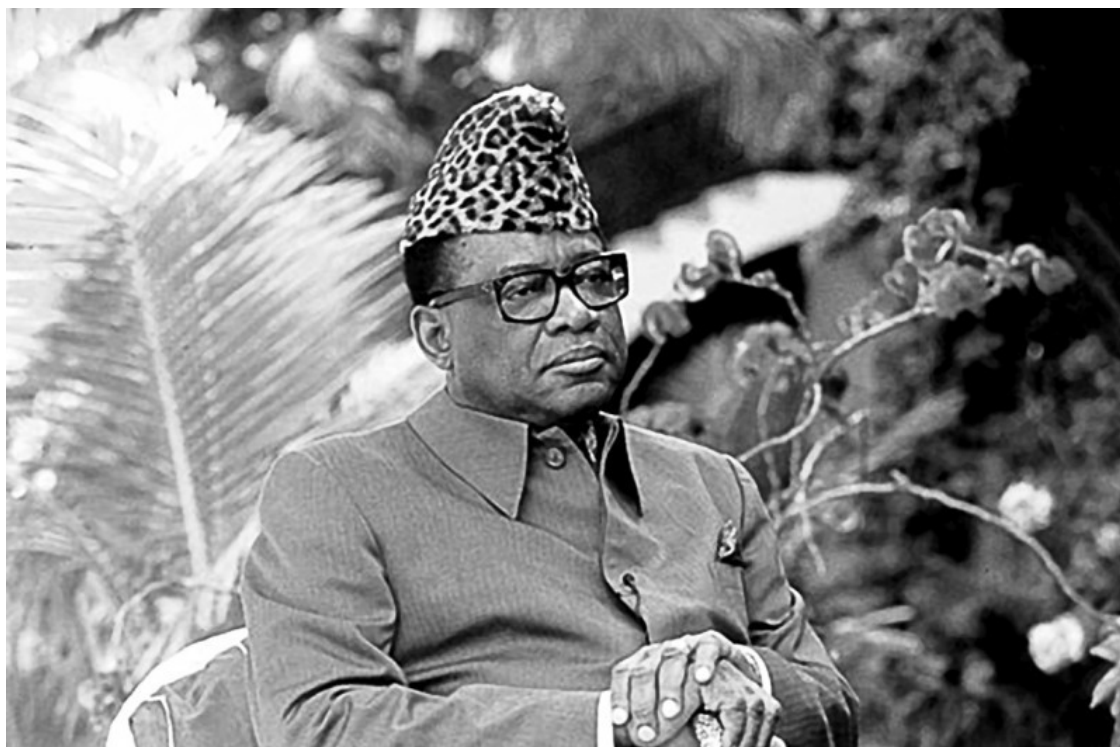
Однако, укрепив свое положение, новый глава государства фактически продолжил политику свергнутого им Мобуту. Лоран Кабила опасался, что присутствие миллиона с лишним тутси на территории Конго угрожает его власти и поэтому уже 27 июля 1998 года заявил о высылке из страны всех иностранцев и о расформировании частей конголезской армии, укомплектованных тутси. 2 августа 1998 года недовольные этим решением военнослужащие-тутси, служившие в 10-й бригаде конголезской армии, подняли восстание в городе Гома на востоке страны и буквально за одни сутки захватили города Увира и Букаву. Возглавил восстание гене-

рал-майор Жан-Пьер Ондекан, начинавший службу еще в армии Мобуту, но затем перешедший на сторону Кабилы. Ондекан, этнический тутси, быстро сориентировался и понял, что у него появился шанс превратиться в политического лидера занятых солдатами-тутси территорий.

Армия тутси численностью в 60 тысяч человек двинулась в сторону столицы страны Киншасы. 3 августа полковник Джеймс Кабарере во главе отряда тутси захватил транспортный самолет в городе Гома и вылетел на авиабазу города Китона, где дислоцировались еще около 3 тысяч солдат-тутси. Так был открыт второй Западный фронт против столицы страны. Наступление Кабарере было настолько успешным, что испуганный Лоран Кабила обратился за помощью к правительству соседней Анголы. Уже 31 августа ангольским войскам удалось вытеснить повстанцев Кабарере из порта Матади, а 1 сентября освободить Китону.

Заручившись поддержкой ненавидящих тутси формирований хуту и соседней Анголы, Кабила стал искать заступничества и других африканских государств. Президента Конго поддерживали Намибия, Зимбабве, Судан и Чад. Для Анголы участие в войне на стороне Кабилы было важно в плане дальнейшей борьбы с собственной повстанческой группировкой УНИТА, Намибия и Зимбабве ввязались в войну как давние союзники Анголы, а Судан встал на сторону Кабилы из солидарности, стремясь навредить своему давнему противнику – Уганде.

Кабилу поддержала и далекая КНДР, приславшая более 400 военных специалистов и инструкторов, а также большое количество оружия. Причины северокорейских симпатий к Кабиле также были понятны – не столько псевдокоммунистическая фразеология нового конголезского президента, сколько природные ресурсы Конго – уран и кобальт – интересовали КНДР. Помощь Кабиле оказывала и Ливия, пытавшаяся активно участвовать в центрально-африканской политике. В свою очередь, на сторону повстанцев – тутси выступили Бурунди, Руанда, Уганда, а также ангольская повстанческая группировка УНИТА. 6 ноября 1998 года на территорию Конго вторглись подразделения вооруженных сил Руанды, а в южные провинции вступили войска Зимбабве и Намибии.

Диктатор Мобуту

Таким образом, осенью 1998 года гражданская война в Конго перестала быть внутригосударственным вооруженным конфликтом. После вступления в нее девяти соседних стран она получила название Великой африканской войны (Африканской мировой войны). Ожесточенные бои разгорелись на востоке и юге ДРК, причем друг с другом сражались уже не только повстанцы и правительственные войска Кабилы, но и армии соседних африканских государств. Вмешательство Анголы, Намибии, Зимбабве, Судана и Чада на стороне Кабилы позволило последнему сохранить контроль над столицей и ее окрестностями и предотвратить наступление повстанческих войск. Однако победить повстанцев, за которых вступились войска Уганды, Руанды и Бурунди, также не представлялось возможным. Война приняла затяжной характер, а от боевых действий больше всего страдало мирное население Конго, лишенное возможности защитить себя и оказавшееся объектом насилия, грабежей и убийств со стороны всех участников конфликта.

Страшной «визитной карточкой» Великой африканской войны стала невероятная жестокость, которую и повстанцы, и правительственные солдаты, и иностранные военные проявляли к мирным жителям. По данным международных организаций, во время войны в Конго более полумиллиона женщин были изнасилованы. Боевики и солдаты не щадили даже маленьких девочек, насилюя их, а часто и убивая после насилия. Захватывая деревни, населенные «чужими» народностями, боевики вспарывали животы беременным женщинам, убивали стариков, расправлялись со священнослужителями. К обычной для африканских боевиков жестокости присоединялись и желание смертельно напугать население захваченных территорий, чтобы оно и не думало сопротивляться, и наркотическое опьянение, в котором находились очень многие бойцы и повстанческих, и правительственных формирований.

Шокированное мировое сообщество давило на руководителей африканских государств, участвующих в войне, с тем, чтобы они поскорее начали переговоры о прекращении боевых действий. В конце концов, 21–27 июня 1999 года в столице Замбии Лусаке состоялись переговоры между участниками конфликта, а 10 июля 1999 года руководители Конго, Анголы, Намибии, Зимбабве, Замбии, Уганды и Руанды подписали Лусакское соглашение, в соответствии с которым в течение 24 часов после его заключения стороны обязывались прекратить все военные операции, дальнейшие военные передвижения, а также давали согласие на развертывание Международных миротворческих сил ООН.

Однако, несмотря на подписанное в Лусаке соглашение, боевые действия на территории Конго продолжались, хоть и в меньших масштабах. Так, 5-10 июня 2000 г. в конголезском городе Кисангани произошла шестидневная война между армиями Руанды и Уганды. 16 января 2001 г. во время заседания военного совета был убит президент Демократической Республики Конго Лоран Кабила.

Новым главой государства стал его 29-летний сын Жозеф Кабила. Он продолжил действовать против повстанцев, пока в июле 2002 г. не было подписано мирное соглашение между ДРК и Руандой. От лица ДРК соглашение подписал Жозеф Кабила, от лица Руанды – президент Поль Кагаме. Руководство Конго обязалось признать легальными политические организации тутси на территории страны, разоружить подконтрольные Киншасе отряды боевиков-хуту, а руководство Руанды соглашалось с требованием о выводе 20-тысячного корпуса руандийских вооруженных сил с территории Конго. Лидер конголезских тутси генерал-майор Жан-Пьер Ондекан был назначен министром обороны в новом временном правительстве Демократической Республики Конго. Этот пост он занимал до 2005 года.

В Великой африканской войне погибло, по меньшим меркам, от 4 до 5 миллионов человек, причем наибольшее количество жертв было именно среди мирного населения. Люди не только погибали от рук боевиков, но и умирали от голода и многочисленных эпидемий, так как нормальное медицинское обслуживание на территории охваченной войной страны отсутствовало. Но даже соглашение между Кабиллой и Кагаме не принесло мир на конголезскую землю.

В 2004–2008 и 2012–2013 гг. в Киву вновь имели место вооруженные конфликты, причиной которых были действия повстанцев-тутси. Второй конфликт в Киву привел к очередным военным столкновениям между Конго и формированиями тутси, на стороне которых выступили Уганда и Руанда.

Протестующие жгут портреты диктатора

Вооруженные столкновения и убийства мирных жителей продолжаются на конголезской земле и сейчас. Миллионы жителей Конго стали беженцами, покинув свои дома. На территории страны действует не менее 70 повстанческих вооруженных группировок, сражающихся между собой и против правительственных войск. Ситуация усугубляется страшной нищетой населения, отсутствием всякой работы даже в относительно крупных городах страны. Между тем, в богатом природными ресурсами Конго – очень высокая даже по африканским меркам рождаемость, население страны молодо и активно, но едва ли не единственными способами зарабатывать хоть какие-то средства здесь остаются война и криминал.

В.А. Рыжов

«Мы больше не ваши обезьяны»

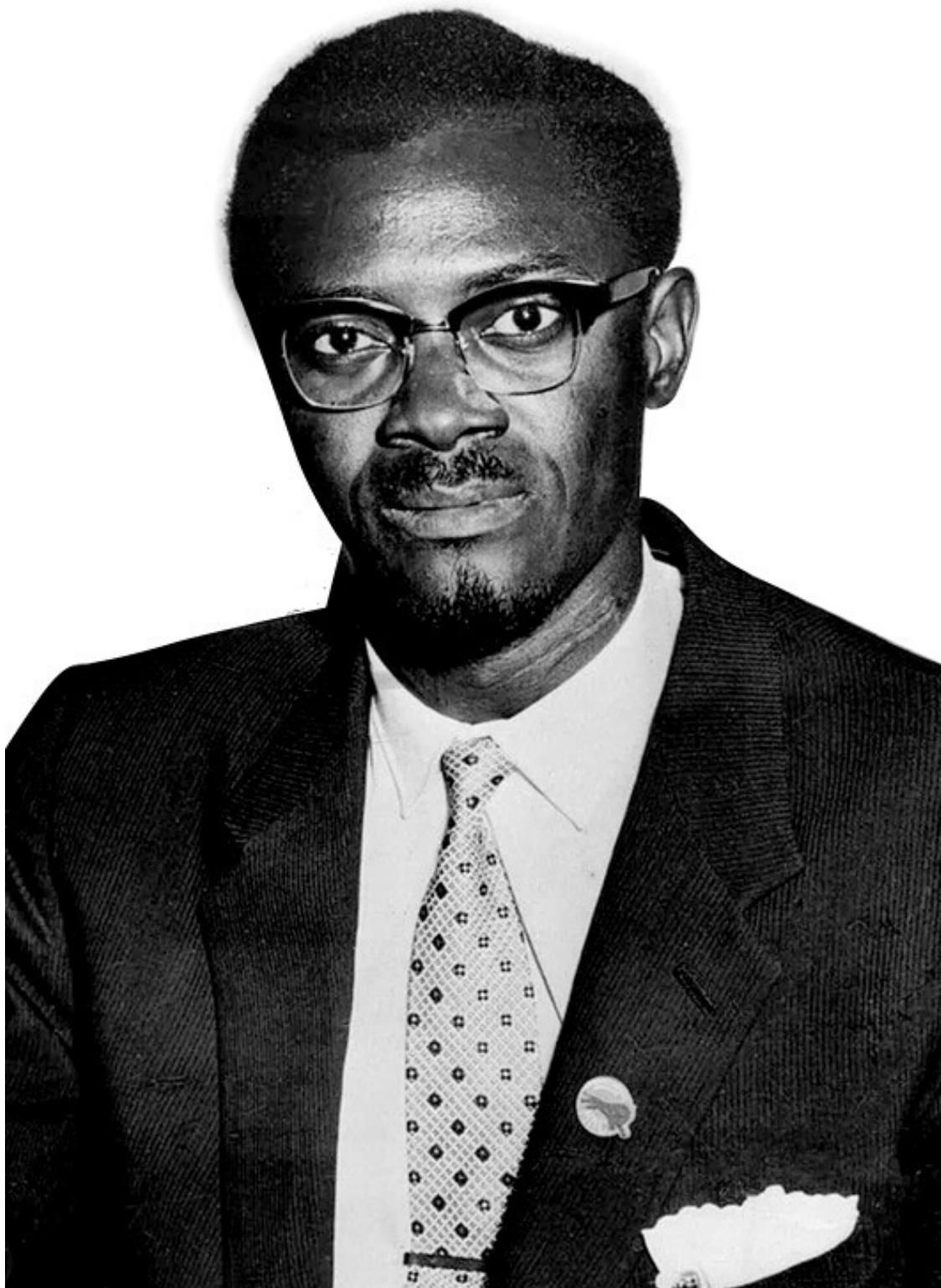
Эта история берёт своё начало 30 июня 1960 года, когда на территории бывшего Бельгийского Конго было образовано новое государство – Демократическая Республика Конго (ДРК). На церемонии провозглашения независимости Патрис Лумумба заявил, обращаясь к королю Бельгии Бодуэну: «Мы больше не ваши обезьяны». Фраза, просто убивающая своей непосредственностью и совершенно немислимая в настоящее время.

В нашей стране, услышав слово «колонизатор», обычно представляют англичанина в пробковом шлеме и шортах, бьющего тростью африканца, согнувшегося под тяжестью какого-нибудь мешка.

Но даже британцы считали французов тупыми и узколобыми расистами:

Однако бельгийцы, пожалуй, переплюнули всех: они были патологически жестоки – до карикатурности.

Между тем на каучуковых плантациях Бельгийского Конго рабочие умирали быстрее, чем в концлагерях нацистской Германии. Надсмотрщиками над неграми бельгийцы обычно ставили других африканцев, которые нерадивым работникам отрубали кисти рук. Их они потом отправляли бельгийским колониальным чиновникам в качестве отчёта о проделанной работе. В результате население Конго с 1885 по 1908 г. сократилось с 20 до 10 миллионов человек. А в 1960 году на всё Конго имелось аж целых 17 выпускников университетов... на 17 миллионов местных жителей. Трое из них занимали мелкие административные должности (остальные 4997 вакансий были заняты бельгийцами).

Патрис Лумумба

Позже выяснилось, что в Конго имеются также богатые месторождения меди, кобальта, урана, кадмия, олова, золота и серебра, а конголезскую провинцию Катанга бельгиец Жюль Корнэ, проводивший исследования недр в конце XIX столетия, и вовсе назвал «геологической сенсацией». И отказываться от своих экономических интересов в Конго бельгийцы не собирались. Французские и британские компании, также активно работавшие в Катанге, были вполне

солидарны с бельгийцами, так что уже 11 июля 1960 года губернатор этой провинции Моиз Чомбе (и по совместительству принц африканского народа лунда) объявил о её выходе из ДРК.

В противостоянии с центральными властями он решил сделать ставку на оставшихся в Конго бельгийских офицеров, а также на «мерсенэров» – наёмников, которых газеты Катанги скромно (но гордо) называли Affreux – «Ужасные».

Бельгия, Франция и Великобритания признать новое государство не решились, но оказывали Чомбе всяческое содействие.

А затем о независимости объявила и провинция Касаи.

Демократическая Республика Конго буквально разваливалась на куски, закончилось всё военным переворотом начальника генерального штаба Мобуту (бывший сержант, сразу ставший полковником), убийством премьер-министра Патриса Лумумбы (обратившегося ранее за помощью к СССР) и вмешательством ООН, которая направила в Конго целую армию. Этот конфликт осложнился ещё и крушением при посадке в городе Ндола (в настоящее время находится в составе Замбии) самолёта, на котором находился генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршёльд (18 сентября 1961 года). Расследованием обстоятельств катастрофы занимались шесть комиссий. Наконец, в 2011 году специалисты пришли к выводу, что самолёт был всё же сбит. В январе 2018 года было опубликовано заявление бельгийского парашютиста П. Копенса, в котором он утверждал, что атаку совершил его соотечественник Ян Ван Риссегем, управлявший учебно-тренировочным реактивным самолётом «Мажистер», переделанном в лёгкий штурмовик. Риссегем тогда служил в войсках непризнанной республики Катанга.

Но не будем забегать вперёд.

Французские кондотьеры

В 1961 году министр обороны Франции Пьер Мессмер отправил в Катангу двух очень интересных мужчин: действующего офицера Иностранного легиона Роже Фулька и бывшего майора ВМС Жильбера Буржо, которые во главе тысячи «добровольцев» (среди них оказалось много бывших легионеров и легионеров-отпускников) взялись охранять Европейские горно-химические компании в Леопольдвиле (сейчас Киншаса). Фульк и Буржо не подозревали тогда, что станут одними из самых известных и успешных кондотьеров мировой истории, а один из них прославится ещё и созданием знаменитой фирмы вербовки наёмников, известной под названием «Солдаты удачи».

Роже Фульк

Роже Фульк

Руководил этой «бригадой» капитан (в будущем – полковник) Роже Фульк (Roger Faulques), которого называли «человеком тысячи жизней», позже он стал прототипом персонажей книг Жана Лартеги «Центурионы», «Преторианцы» и «Гончие ада».

Как и многие другие офицеры Иностранного легиона, Фульк был активным участником французского Сопротивления, после высадки союзников служил в частях «Свободной Франции», получив в возрасте 20 лет звание капрала и Военный крест (Croix de guerre).

После окончания войны Фульк в звании су-лейтенанта поступил в Третий полк Иностранного легиона. Потом оказался в Индокитае – уже в звании лейтенанта: воевал в составе Первого парашютного батальона, где в это время служил и пока ещё не знаменитый Пьер-Поль Жанпьер. Впервые Фульк был ранен в 1948 году, а во время сражения у Као-Банг (1950 год) получил сразу четыре раны и на протяжении трёх суток лежал в лесу, пока его не обнаружили бойцы Вьетминя. Как тяжелораненого (фактически умирающего), его передали французской стороне. Фульк был награждён орденом Почётного легиона, долго лечился и всё же вернулся в строй – уже в Алжир, где оказался в подчинении у своего старого знакомого Жанпьера, став разведчиком Первого парашютного полка. Под руководством Фулька было разгромлено несколько подпольных ячеек ФНО.

Боб Денар

Боб Денар

Другим командиром «отпускников» стал Жильбер Буржо – тоже партизан в годы II мировой и ветеран Индокитая. Гораздо более известен он был как Робер (Боб) Денар.

Родился он в Китае в 1929 году – там тогда находился на службе его отец, офицер французской армии. Детство провёл в Бордо. С 1945 года Денар служил в Индокитае, в 1956 году (в возрасте 27 лет!) был уже майором. Но из армии его «попросили» после того, как он, изрядно приняв на грудь, разгромил бар: решил, что там к нему отнеслись с недостаточным уважением. Он отправился в Марокко и Тунис, служил в военной полиции, а потом стал членом OAS и

был арестован по подозрению в подготовке покушения на премьер-министра Франции Пьера Мендес-Франса, провёл в тюрьме 14 месяцев.

В интервью газете «Известия», которое взял у него Г. Зотов в 2002 году (он потом называл эту беседу главной журналистской удачей своей жизни), Денар сказал:

«Очень часто я оказывался в ситуации: если не убью я, убьют меня... И тут уже выбора не остаётся. Но никогда в жизни я не выстрелил в женщину или ребёнка. То же самое касается революций: я не совершал их по своей прихоти, это была работа».

Как-то сразу вспоминаются «бессмертные» строки:

*«Работники ножа и топора,
Романтики с большой дороги».*

Итак, Роже Фульк и его люди тогда оказались в подчинении Чомбе.

А позже, уже расставшись с Фульком, Денар возглавил собственный батальон – «Коммандо-б».

Майк Хоар и «Дикие гуси»

Примерно в то же время к Чомбе прибыл и Томас Майкл Хоар.

Майкл Хоар был ирландцем, родившимся в Индии (Калькутта) 17 марта 1919 года. Незадолго до начала II мировой войны он поступил в «Лондонский полк ирландских стрелков», в котором быстро стал инструктором по стрельбе. В январе 1941 года он был направлен на учёбу в военную школу в Дройбиче, аттестация, выданная ему тогда командиром, гласила: «Волевой и агрессивный типаж».

В конце 1941 года Хоар в звании второго лейтенанта был направлен во 2-ой разведывательный полк 2-й пехотной дивизии, которая в апреле 1942 года была направлена для действий против Японии. Хоар воевал в Бирме (Араканская кампания, декабрь 1942-май 1943 м гг.) и в Индии (Кохима, 4 апреля – 22 июня 1944 г.). Служил в группе дальней разведки бригадного генерала Фергюссона, войну закончил в штабе британских войск в Дели, в это время ему было 26 лет, и он был уже майором.

Демобилизовавшись, он получил диплом бухгалтера, а 1948 году перебрался в Южную Африку, в город Дурбан. Жил он неплохо: руководил яхт-клубом, устраивал сафари для богатых клиентов, путешествовал. Побывал и в Конго: искал здесь сына олигарха из ЮАР, пропавшего в джунглях. Во главе небольшого отряда он тогда смело двинулся неизведанные дали Африки. И в одной из деревень под названием Каламатади он нашёл юношу... наполовину съеденного канибалами. Чтобы сделать заказчику приятное, Хоар приказал уничтожить деревню людоедов.

Как вы понимаете, человеку с такими способностями и с таким характером требовалось гораздо большее количество адреналина, чем он мог получить в Дурбане. И потому в начале 1961 года он оказался в Катанге, где возглавил подразделение «Коммандо-4». Почему «4»? Это соединение стало четвёртым по счёту, которым за свою жизнь командовал Майкл. Всего под командой Хоара оказались тогда 500 белых наёмников и свыше 14 тысяч африканцев. Среди первых солдат Хоара оказалось много люмпенов, сам он вспоминал:

«Было слишком много алкоголиков, дебоширов и тунеядцев, которых больше нигде не брали на работу... Были случаи гомосексуализма».

Но Хоар быстро навёл порядок, отсеяв самых никчёмных и вымуштровав остальных. Дисциплина в его подразделениях всегда была на высоте, а методы воспитания просты и эффективны: рукояткой пистолета по голове за попытки пререкания, а однажды он лично

отстрелил одному из своих подчиненных, очень любившему играть в футбол, большие пальцы ног – в качестве наказания за изнасилование местной девушки.

Гораздо более известным стал другой батальон Хоара – «Коммандо-5», или «Дикие гуси»: в средневековой Ирландии так называли наёмников, а Хоар, как мы помним, был ирландцем.

Для этого подразделения Хоар даже составил свод из 10 правил: помимо обычных боевых наставлений (типа «всегда чисть и оберегай свое оружие»), были такие: «Молись Богу каждый день» и «Гордись своим внешним видом, даже в бою; брейся каждый день».

А десятое правило было следующим: «Будь агрессивен в бою, благороден в победе, упорен в обороне».

Сохранились сведения о «зарплате» первых «Диких гусей» в Конго: рядовые получали 150 фунтов стерлингов в месяц, 2 фунта в день на карманные расходы, 5 фунтов в день во время боевых действий. В дальнейшем оплата их «труда» увеличилась: при заключении контракта на полгода они получали (в зависимости от должности и интенсивности боевых действий) от 364 до 1100 долларов в месяц.

Самым известным «гусем» этого батальона был Зигфрид Мюллер (Конго-Мюллер), участник II мировой войны на стороне Третьего рейха, который позже написал книгу «Современные наёмники», очерки «Современная война» и «Боевые действия в Конго».

На основе его воспоминаний в ГДР был снят фильм «Коммандо-52», запрещённый в ФРГ. А потом восточные немцы сняли ещё и фильм «Человек, который смеётся», в котором о Мюллере рассказывали его бывшие сослуживцы. Своё название этот фильм получил из-за «фирменной» улыбки, ставшей «визитной карточкой» Мюллера:

Мюллера называли «пруссак», «ландскнехтом империализма», «палачом с опытом» и «бывшим эсэсовцем» (хотя к СС он никакого отношения не имел), а его характер – «коллекцией дурных черт немецкой нации», но сам он гордо именовал себя «последним защитником белого Запада».

Впрочем, некоторые считают его всего лишь позёром и талантливый «самопиарщиком», создавшим миф о самом себе – героическую легенду, в которой он предстаёт истинным арийцем, идеальным наёмником и суперсолдатом. А все его «железные кресты» и джипы, декорированные человеческими черепами, называют реквизитом и декорациями вульгарной оперетты.

На самом же деле Мюллер надежд Хоара, похоже, не оправдал: назначенный было командиром взвода, он вскоре был переведен на должность начальника тыловой базы.

Black Jack

В Катанге оказался и бельгиец (точнее, фламандец) Жан Шрамм (известный также как Чёрный Джек), который жил в Конго с 14 лет. В «лучшие годы» на его огромной плантации (площадь её составляла 15 квадратных километров) близ Стенливиля работали более тысячи африканцев.

Жан Шрамм

Всё изменилось в 1960 году, когда эта плантация была разорена сторонниками Патриса Лумумбы. Шрамм, который не имел к военному делу никакого отношения и не служил в армии, возглавив отряд самообороны, некоторое время «партизанил» в джунглях, а потом создал «чёрно-белый» батальон «Леопард», или «Коммандо-10», в котором офицерами служили европейцы, а рядовыми были негры из племени кансимба. Таким образом, Жан Шрамм стал самым известным и успешным непрофессионалом среди всех командиров наёмных отря-

дов. В 1967 году его имя прогремит на весь мир, и на какой-то короткий миг Жан Шрамм станет известнее Майка Хоара и Боба Денара.

«Команданте Тату» и движение «Симба»

А в 1965 году Конго навестили ещё и чернокожие кубинцы во главе с неким «команданте Тату» – чтобы помочь камрадам из революционного движения «Симба» («Львы»), которых возглавлял бывший министр образования и искусства Пьер Мулеле.

Pierre Mulele

Особенно отмороженными «львами» были практиковавшие каннибализм подростки 11–14 лет (юннесы), жестокость которых не знала предела.

А господин Мулеле, которого отдельные европейские либералы называли тогда Чёрным Мессией, Линкольном Конго и «лучшим сыном Африки», был не просто бывшим министром, но ещё и шаманом «новой школы» – прошедшим обучение в Китае христианином с маоистским и псевдомарксистским уклоном (очень модным в Африке того времени). Он объявил убитого Лумумбу святым, которому следовало поклоняться в специально построенных святилищах, а своим приверженцам щедро дарил зелье мугангов (местных колдунов) «дава», делая их неуязвимыми. По его уверениям, данное снадобье действовало безотказно: нужно было лишь ничего не бояться и не касаться женщин. Чтобы убедить своих людей в эффективности «дава», он использовал нехитрый трюк с «расстрелом» холостыми патронами выпивших зелье повстанцев (которые, кстати, не были посвящены в затею Мулеле, поэтому дрожащих от страха «добровольцев» пришлось связать, чтобы не разбежались). Самое смешное, что в «волшебную воду Мулеле» верили и противники «Симбы», которые часто сдавались без боя либо отступали, поскольку считали, что не имеет никакого смысла сражаться с людьми, которых невозможно убить.

Проблемы у восставших «Симбы» начались, когда они столкнулись с бельгийскими парашютистами, атаковавшими их в рамках операции «Красный дракон» в Стенливиле (Кисангани) и белыми наёмниками Майка Хоара. Первое время «неуязвимые» симбу не боялись даже авиации. Густаво Понсоа, кубинский пилот отряда Хоара, вспоминал:

«Некоторые даже махали нам за секунду до того, как наши ракеты разносили их в ошметки».

Но не будем забегать вперёд.

Между тем под именем таинственного «команданте Тату» скрывался не кто иной, как Эрнесто Че Гевара.

Этого «романтика революции», вообще-то, в симпатиям к неграм упрекнуть довольно трудно, а о политкорректности и толерантности он даже и не слышал. Его ответ на вопрос кубинского бизнесмена Луиса Понса «Какие действия собирается предпринимать революция для помощи чернокожим» стал поистине легендарным:

«Мы собираемся сделать для чёрных то же самое, что чёрные сделали для революции, то есть ничего».

Что тут можно сказать: умел этот аргентинец «формулировать» и говорить афоризмами.

Мигель Санчес вспоминал, что в Мексике, готовясь к высадке десанта на Кубу, Че Гевара постоянно называл одного из своих соратников (Хуана Альмедиа) «негритёнком». В его устах это звучало оскорбительно, и Альмедиа это очень сильно задевало. Санчес посоветовал ему: «Послушай, Хуан, когда Гевара называет тебя эль-негрито, зови его в ответ эль-чанчо (свинья)».

Этот приём сработал: Че Гевара от него отвязался и никаких попыток «припомнить» и как-то отомстить ни тогда, ни потом не предпринимал.

Однако классовая солидарность – превыше всего. Че Гевара честно попытался научить своих африканских «собратьев» хоть чему-нибудь, кроме весёлой резни всех, до кого они могли дотянуться. Но чудес не бывает, и у легендарного команданте ничего не получилось. Но об этом – в следующей статье.

В общем, сами понимаете: когда на территории Конго появились все эти талантливые, опытные и авторитетные люди, грех было им там не повоевать, и боевые действия начались очень скоро. Об этом мы поговорим в следующей статье.

* * *

Продолжим наш рассказ. И начнём его со времени появления в Катанге «отпускников» Роже Фулька и Робера Денара, которые, как мы помним, явились защищать эту мятежную провинцию Конго (и горно-химические предприятия, расположенные на её территории) от центральных властей этой страны.

Боевые действия легионеров Фулька в Катанге в 1961 году

После того как богатая ресурсами провинция Катанга объявила о выходе из Демократической Республики Конго, а Бельгия, опасавшаяся национализации «Объединенных копей Верхней Катанги», фактически поддержала возглавившего мятежников Моизе Чомбе, президент этой страны Касавубу обратился за помощью в ООН (12 июля 1960 г.). Функционеры ООН, как обычно, приняли половинчатое решение, по принципу «ни нашим, ни вашим», которое не удовлетворило ни одну из сторон. Присутствие бельгийских военных в Катанге не было признано актом агрессии, но не была признана и независимость новоявленного государства. Конфликт, по мысли чиновников ООН, следовало перевести в вялотекущую фазу, а там, может, и само «рассосётся» как-нибудь. В Конго стали прибывать соединения миротворцев, но отношения между ними и вооружёнными формированиями обеих сторон как-то сразу не сложились. Так, ирландский батальон, прибывший в Конго в конце июля 1960 года, 8 ноября попал в засаду, организованную воинами племени балуба, которые обстреляли пришельцев из... луков. Восемь ирландцев были убиты сразу, тело ещё одного было найдено через два дня. А в правительстве ДРК шла борьба не на жизнь, а на смерть, закончившаяся смещением и арестом Лумумбы, его освобождением, повторным пленением и, наконец, жестокой казнью в Катанге, куда его передали в надежде, что этот «подарок» Чомбе хоть как-то поспособствует затуханию мятежа. Получилось ещё хуже, и очень скоро гражданская война запыхала с новой силой, а Конго фактически развалилось на четыре части.

В начале сентября 1961 года ирландский батальон миротворческих сил ООН подошёл к городу Жадовилу, расположенному в глубине территории Катанги. Официальной целью прибытия объявлялась защита местного белого населения. Здесь ирландцам совсем не обрадовались, а белые оказались бельгийцами – служащими той самой компании, из-за которой всё и началось. И потому ирландцев в Жадовиль даже и не пустили – пришлось разбивать лагерь за пределами города. А 13 сентября разбираться с ними прибыли солдаты Роже Фулька и местные военные соединения (уровень которых был ниже всякой критики, так что главной ударной силой стали именно наёмники). В ходе 5-дневных боёв тогда погибли 7 белых наёмников и 150 негров (что неудивительно: многие из африканцев воевали с луками).

Пленные ирландцы

На родине сдавшиеся в плен ирландцы (157 человек) вначале считались трусами, но потом соотечественники передумали, и в 2016 году сняли героический фильм «The siege of Jadotville» («Осада Жадовиля»), посвящённый этим событиям.

Основой сценария этого послужила документальная книга Деклана Пауэра «Осада Жадовиля: забытая битва ирландской армии». Главную роль сыграл Джейми Дорнан – кумир мазохисток, исполнитель роли богатенького извращенца Кристиана Грея («Пятьдесят оттенков серого», «На пятьдесят оттенков темнее» и «Пятьдесят оттенков свободы»).

Позже Фульк разработал план защиты мятежной провинции Катанга и возглавил её оборону, которую так и не сумели прорвать войска международных сил. Катанга была разделена на 5 военных зон, главные сражения развернулись за город Элизабетвилль (Лубумбаши). Несмотря на подавляющее преимущество противника, использовавшего тяжёлую артиллерию и авиацию, отряды наёмников при поддержке местных жителей (в том числе и европейцев) оказали яростное сопротивление. Особенно проявил себя тогда Робер Денар, который, командуя батареей тяжёлых миномётов, удачно и быстро меняя позиции, буквально терроризировал отряды наступающих «миротворцев».

Боб Денар в Катанге

Элизабетвилль всё же был сдан, и это вызвало ярость Фулька, считавшего, что город ещё можно и нужно было защищать. Он уехал из Конго, поклявшись никогда теперь не подчиняться приказам африканцев, а командиром французских мерсенэров стал его заместитель – Боб Денар. Но скоро и он покинул Конго – впереди у него была «работа» в Йемене.

Несмотря на захват Элизабетвиля, подчинить Катангу тогда не удалось: 21 декабря 1961 года был подписан договор о прекращении огня (а падёт эта провинция лишь в январе 1963 года).

Майк Хоар против «Симбы» и Че Гевары

Как мы помним летом 1964 года на огромной территории северо-восточного Конго началось восстание движения «Симба». Так («львами») называли себя сами повстанцы, а другие конголезцы называли их «басени» – «лесные люди», что ясно говорит об уровне развития этих мятежников: «цивилизованные» народы «лесными» не называют.

4 августа 1964 года мятежники захватили город Альбервилль (сейчас – Кисангани). В заложниках у них оказались 1700 белых поселенцев. Когда осенью 1964 года отряд Майка Хоара и соединения правительственной армии Конго подошли к городу, повстанцы заявили о том, что в случае штурма все «белые» будут убиты. Ситуация разрешилась после операции «Красный дракон», в ходе которой 545 парашютистов бельгийской армии 24 ноября, высадившись в аэропорту Стенливилля, освободили 1600 белых и 300 конголезцев. Симба успели убить 18 заложников и ранить 40 человек. А 26 ноября бельгийцами была проведена операция «Чёрный дракон» – захват города Паулиса.

После этого армия Конго и батальон Хоара начали штурм города и вытеснение мятежников из его окрестностей. До конца года бойцы Хоара взяли под контроль несколько десятков деревень и город Ватса, освободив при этом ещё 600 европейцев. Во время этих операций Хоар получил ранение в области лба.

Бойцы Майка Хоара и освобожденные ими белые заложники

Тем не менее, Хоар остался недоволен этой операцией и потому принял решительные меры по укреплению дисциплины и боевой подготовки своих солдат, особое внимание он уделял подбору кандидатов на сержантские и офицерские должности.

Несмотря на такие успехи, власти Конго нерегулярно снабжали отряд Хоара боеприпасами и продовольствием и даже допустили задержку жалованья. В результате в начале 1965 года (по истечении срока контракта) из Commando-4 ушла почти половина наёмников, и Хоару пришлось набирать новых людей. Заключив новый полугодовой контракт с правительством этой страны, Майк Хоар сформировал свой знаменитый батальон «диких гусей» – Commando-5.

Именно в Конго Хоар и заработал своё знаменитое прозвище, став Бешеным Майком (Бешеный Пёс в первоначальном варианте). Африканцы так называли его за неизменное стремление уничтожать виновных в расправах над белыми поселенцами. Расстрелы убийц, по мнению «борцов с колониализмом», были жутким нарушением их прав «на свободу и самоопределение», а Хоар, с их точки зрения, был настоящим беспредельщиком и отморозком. Известный принцип: «А нас-то за что?» Когда убивали белых, это ведь, как говорится, «сам бог велел»...

О том, насколько серьёзным и основательным человеком был Майк Хоар, можно судить по тому обстоятельству, что, помимо пехотинцев, в его распоряжении оказались тогда несколько катеров, канонерская лодка, вертолёт, 34 бомбардировщика Б-26, 12 истребителей Т-28 и вертолет. Пилотами его «эскадрильи» служили наёмники из ЮАР, Родезии и Кубы (эмигранты из числа противников Фиделя Кастро), а среди бортмехаников было много поляков. Особенно Хоар выделял потом именно кубинцев:

«Эти кубинцы были самыми жесткими, преданными и целеустремленными солдатами, которыми я когда-либо имел честь командовать. Их командир, Рип Робертсон, был самым выдающимся и самоотверженным солдатом из всех, которых я встречал. Кубинские летчики вытворяли в воздухе такое, что мало кто смог бы с ними потягаться. Они пикировали, обстреливали и сбрасывали бомбы с такой энергией, с таким напором, что эта решительность передалась и пехоте, которая позже всю проявила в рукопашной схватке».

Кубинский пилот Густаво Понсоа, в свою очередь, «рассыпается в комплиментах» Хоару: *«Я горжусь тем, что Бешеный Майк до сих пор высоко ценит нас. И мы, в свою очередь, очень высокого мнения о нем. Этот человек был настоящим бойцом! Но когда я вспоминаю тех африканских людоедов, с которыми мы сражались в Конго – тех, которыми якобы командовал Че, „могучий Тату“... господи ты, боже мой!»*

Да, на помощь «Симбам» в апреле 1965 году прибыл отряд чернокожих кубинцев, которым командовал тот самый «могучий команданте Тату» – Че Гевара.

Че Гевара в Конго: планирование операции

Если говорить прямо и без обиняков, Симба были жуткими отморозками, но никудышными воинами. Абдель Насер, с которым Че Гевара встречался накануне своей «командировки», прямо говорил ему об этом, но кубинец решил, что с таким командиром, как он, даже «шакалы» Симбы станут настоящими «львами». Но сразу же выяснилось, что о дисциплине эти повстанцы не имели никакого представления, и Че Гевара был вне себя от ярости, когда в ответ на приказ рыть окопы и обустраивать боевые позиции «львы» издевательски отвечали:

«Мы не грузовики и не кубинцы!»

Военные подразделения повстанцев Че Гевара непolitкорректно назвал «сбродом», и это было чистой правдой.

О способе стрельбы этих повстанцев кубинцы рассказывали следующее: взяв автомат в руки, повстанец закрывал глаза и держал палец на спусковом крючке до тех пор, пока не опустошал весь магазин.

Виктор Калас, один из участников экспедиции Че Гевары, вспоминал об одном из столкновений возглавляемого им отряда Симбы с «дикими гусями» Хоара:

«Наконец я решил дать сигнал к отступлению, обернулся – и обнаружил, что остался один! По всей видимости, я был один уже довольно продолжительное время. Все сбежали. А ведь меня предупреждали, что подобное может произойти».

В августе 1965 года Че Гевара признал:

«Недисциплинированность и недостаток самоотверженности – главные признаки этих борцов. С такими войсками выиграть войну невозможно».

На этом фоне среди бойцов кубинского отряда начали распространяться упадочнические настроения. Че Гевара писал по этому поводу:

«Многие мои товарищи бесчестят звание революционера. К ним я применяю самые жестокие дисциплинарные взыскания».

Попробуйте угадать, какое дисциплинарное наказание Че Гевара считал «самым жестоким»? Таковым, по его мнению, являлась угроза отправить «паникёра» домой – на Кубу!

У некоторых кубинцев, погибших во время боевых действиях в Конго, были найдены паспорта, что вызвало большой скандал и обвинения Кубы и других социалистических стран в боевых действиях на стороне мятежников.

В итоге Че Гевара всё же пришлось покинуть Конго: в сентябре он уехал в Танзанию, потом, по некоторым данным, несколько месяцев лечился в Чехословакии. Вернувшись на Кубу, он начал готовиться к экспедиции в Боливию – последнюю в своей жизни.

А Майк Хоар 10 октября 1965 года объявил об освобождении региона Физи-Барака.

25 ноября 1965 года к власти в Конго пришёл Мобуту, который уже на следующий день отблагодарил Хоара письмом с извещением об отставке – британец казался ему слишком самостоятельным, независимым и опасным. В Commando-5 его заменил Джон Питерс, которого Хоар называл «сумасшедшим, как змея», а последним командиром «Диких гусей», занявшим этот пост в феврале 1967 года, стал капитан Джон Шредер.

Через три месяца, в апреле 1967 года, это легендарное подразделение и вовсе было расформировано. Теперь главной «звездой» наёмников Конго стал Боб Денар, возглавивший созданный в 1965 году франкоязычный батальон Commando-6.

Но действия Майка Хоара и Commando-5 были настолько успешными и эффективными и произвели такое впечатление, что название «дикие гуси» скоро стало нарицательным. Со временем появилось множество отрядов наёмников с похожими эмблемами и названиями, и даже части вооружённых сил некоторых стран не стыдятся «плагиата». Вот, например, эмблема сводного отряда ВВС Украины «Дикая утка», созданного на Украине из желающих повоевать на Донбассе добровольцев в сентябре 2014 года:

Сходство очевидно. Это название было предложено кем-то из «волонтёров», а позже утверждено официально. В подразделение вошли военнослужащие частей Военно-воздушных сил Украины, за исключением собственно летчиков и штурманов. Отряд воевал в Ясиноватском районе, у Авдеевки и донецкого аэропорта. Но не будем о них, вернемся к рассказу о тех, кто шёл убивать хотя бы за деньги и чужих им людей, а не своих соотечественников по идейным соображениям (но тоже за деньги).

Удивительные приключения Боба Денара

В 1963 году Робер Денар и Роже Фульк оказались в Йемене, где воевали на стороне монархистов (их нанимателем был «имам-король» аль-Бадр). Однако тайную войну против новых

властей Йемена вели тогда ещё и Великобритания, Израиль и Саудовская Аравия. Главную роль в этой интриге играли люди из британской разведки (MI-6), которые привлекли небезызвестного Дэвида Стирлинга (первого командира Специальной авиадесантной службы, Special Operations Executive, о нём будет рассказано в другой статье), и на помощь этим уже очень авторитетным французам направили четырёх числившихся в отпуске сотрудников SAS. Куратором операции выступил полковник SAS Дэвид де Креспиньи-Смайли. В своей книге «Arabian Assignment», изданной в 1975 году, он указал на курьёзное затруднение при вербовке ветеранов Катанги: в Конго у них было много женщин и свобода в употреблении алкоголя, а в исламском Йемене ничего подобного им предложить не могли.

А переход большого каравана (150 верблюдов с оружием и снаряжением) через аденско-йеменскую границу обеспечил британский лейтенант Питер де ла Билльер, будущий директор SAS и командующий британскими войсками в 1991 году во время войны в Персидском заливе.

В негласном сотрудничестве с MI-6 с тех пор Денар подозревали постоянно (и небезосновательно). В этой стране Денар находился до осени 1965 года и не только воевал, но и организовал в одной из пещер пустыни Руб аль-Хали (на границе с Саудовской Аравией) роялистскую радиостанцию, вещавшую на Йемен.

В 1965 году Денар вернулся в Конго: служил вначале у Чомбе, который в то время уже был премьер-министром этой страны и сражался против «Симбы» и кубинцев Че Гевары. В это время он в чине полковника армии Конго возглавлял батальон Commando-6, в котором служили около 1200 франкоязычных наёмников 21 национальности (в том числе и негры, но большинство было французами и бельгийцами, очень много было парашютистов Иностранного легиона). Потом воевал уже против Чомбе, «работая» на Мобуту, принявшего скромный титул «воина, идущего от победы к победе, которого нельзя остановить» – Мобууту Сесе Секо Куку Нгбенду ва за Банга (имеются разные варианты перевода, но смысл один). Впрочем, он и подданных в этом отношении «не обделил»: были запрещены европейские имена, и теперь каждый мог совершенно официально называть себя очень пафосно.

Также Мобуту объявил себя «отцом народа» и «спасителем нации» (куда же без этого). А на заставке вечерних новостей диктатор являлся подданным восседающим на небесах, с которых загримированный под него актёр торжественно «нисходил» к своим подданным. Суковатая трость, с которой Мобуту всегда появлялся на публике, считалась настолько тяжёлой, что поднять её якобы могли только самые могучие воины.

Озеро «Альберт», которое в 1973 году было переименовано в Конго в Мобуту-Сесе-Секо (Угандой это название не было признано, после свержения Мобуту прежнее название было восстановлено)

Мобуту не разорился на дорогостоящих услугах Денара: личный капитал диктатора в 1984 году составлял около 5 миллиардов долларов, что было сопоставимо с внешним долгом страны.

А за Чомбе в это время бился старый знакомый Денара – Жан Шрамм: «ничего личного, просто бизнес».

Но потом Денар опять вернулся в Катангу и вместе с Жаном Шраммом воевал против Мобуту – в 1967 году. Сейчас мы расскажем, как это произошло.

«Восстание белых наёмников»

Какое эпичное и пафосное название у этого подзаголовка, не правда ли? Невольно в голову приходят мысли о каком-нибудь Карфагене эпохи Ганнибала Барки или романе Гюстава Флобера «Саламбо». Но я не придумывал это название – так называют те события в Конго во всех учебниках и научных трудах. Именно тогда вспыхнула сверхновой звездой слава Жана

Шрамма, имя которого стало известно далеко за пределами Африки. Два человека бросили вызов могущественному диктатору Конго Мобуту, и главную тяжесть этой неравной борьбы вынес на своих плечах именно Шрамм.

Жан Шрамм, вынужденный в 1963 году уйти со своими людьми в Анголу, вернулся в Конго в 1964 году, воевал с повстанцами «Симбы», а в 1967 году он фактически контролировал провинцию Маниема, причём не грабил её, как можно было бы подумать, а отстраивал и восстанавливал разрушенную войной инфраструктуру.

Всё это очень не нравилось Мобуту, который в ноябре 1965 года совершил уже второй по счёту государственный переворот и считался «хорошим» (американским) «сукиным сыном», что, впрочем, не мешало ему заигрывать с Китаем (он очень уважал Мао Цзэдуна) и поддерживать хорошие отношения с КНДР.

Единственным достоинством этого диктатора было то, что, в отличие от некоторых своих африканских коллег, он «не любил» людей (в том смысле, что не любил их есть). Канныализмом увлекались как раз в мятежных провинциях. Зато он любил «красиво жить», и даже изобретенные Мобуту френчи «абакост» (от французского *a bas le costume* – «долгой костюм»), которые теперь предписывалось носить вместо европейских костюмов, для диктатора и его приближённых шились в Бельгии фирмой Arzoni. А знаменитые леопардовые шапочки диктатора – только в Париже.

Государственная компания Sozacom, занимавшаяся экспортом меди, кобальта и цинка, ежегодно перечисляла на счета Мобуту от 100 до 200 миллионов долларов (в 1988 году – аж 800 миллионов). В официальных отчётах эти суммы назывались «утечками». А к зданию Центрального банка ежемесячно подъезжали грузовики, на которые грузили мешки купюр национальной валюты – на мелкие расходы: эти суммы назывались «президентской дотацией».

С алмазами, которые добывались в провинции Касаи, было совсем «весело»: своим зарубежным гостям Мобуту устраивал экскурсии в хранилище государственной компании МВА, где им вручался маленький совок и небольшой мешочек, в который они могли собрать понравившиеся «камешки» в качестве «сувениров».

Из Конго (с 1971 года – Заир, с 1997 – снова ДРК) гости уезжали в исключительно хорошем настроении и неизменно аттестовали диктатора как прекрасного человека, с которым можно и нужно иметь дело.

Кстати, по поводу переименования Демократической Республики Конго в Заир: когда это произошло, пошли шутки о том, что Мобуту теперь должны быть благодарны школьники всего мира. Ведь существовала ещё и Народная Республика Конго (сейчас – Республика Конго), бывшая французская колония со столицей в городе Браззавиль, которую постоянно путали с ДРК.

В апреле 1966 года Мобуту сократил официальное количество провинций Конго с 21 до 12 (в декабре того же года до 9, а в 1967 г. и вовсе упразднил) и приказал находившемуся у него на службе Денару и его *Commando-6* разоружить солдат Шрамма. Однако Шрамм, за которым стоял министр иностранных дел Бельгии Пьер Хармель, и Денар, традиционно опекаемый французскими спецслужбами, предпочли договориться. Их европейским шефам не нравилась проамериканская позиция Мобуту, Денар же подозревал, что он сам окажется следующим в списке на ликвидацию. Было решено снова сделать ставку на Моизе Чомбе, который в это время находился в Испании. Денара и Шрамма поддерживал полковник Натаниэль Мбумба, возглавивший бывших жандармов Стенливилля (Кисангани), уволенных в ходе инициативы Мобуту «чисток».

Commando-10 Шрамма должен было захватить Стенливилль, после чего с помощью подошедших бойцов Денара и жандармов Катанги взять города Кинда и Букава. В последней фазе этой операции, получившей название «Кэриллис», Шрамм должен был взять под контроль Элизабетвиль и авиабазу Камина, на которую и должен был прилететь Чомбе, чтобы потребовать отставки Мобуту.

Между тем в Commando-6 Денар в то время было лишь 100 белых наёмников (французы, бельгийцы и итальянцы), в Commando-10 Шрамма – всего 60 бельгийцев. Солдаты этих отрядов были неграми, а европейцы, как правило, занимали офицерские и сержантские должности.

Однако 2 июля телохранитель Чомбе Франсис Боднан захватил самолёт, на котором тот вылетел в Конго и приказал пилотам посадить его в Алжире. Здесь Чомбе был арестован и умер через 2 года. До сих пор нельзя с уверенностью сказать, чьё задание выполнял Боднан. Большинство исследователей полагают, что он был перевербован ЦРУ, поскольку Мобуту считался именно американским «сукиным сыном».

Денар и Шрамм, ещё даже и не успевшие начать восстание, остались без «своего» кандидата в «президенты», но терять им было уже нечего, и 5 июля 1967 года Шрамм во главе колонны из 15 джипов ворвался в Стенливиль и захватил его.

Против него Мобуту отправил элитный третий парашютный полк, солдат которого готовили инструкторы из Израиля. Денар, видимо, сомневавшийся в успехе операции, действовал нерешительно и опоздал, а потом был тяжело ранен и вывезен в Солсбери (Родезия). Отряд Шрамма и жандармы полковника Мбумбы целую неделю сражались против парашютистов третьего полка, а потом отступили в джунгли. Через три недели они неожиданно появились у города Букава и захватили его, разгромив находившиеся там правительственные войска. В отряде Шрамма к тому времени оставалось всего 150 наёмников и ещё 800 африканцев – жандармов Мбумбу, против которых Мобуту бросил 15 тысяч человек: весь мир с изумлением наблюдал, как на протяжении 3-х месяцев новоявленные «спартанцы» Шрамма сражались за Букаву и ушли практически непообежденными.

Когда в Букаве ещё продолжались бои, выздоровевший Боб Денар решил найти нового лидера Конго, которым, по его мнению, вполне мог стать бывший министр внутренних дел Мунонго, содержавшийся в тюрьме на острове Була-Бемба (в устье реки Конго).

13 завербованных в Париже диверсантов, которых возглавил итальянский боевой пловец Джорджо Норбьятто, на траулере двинулись к побережью Конго из Анголы, но шторм, бушевавший на протяжении двух дней, сорвал их планы. Отряд Денара (110 белых и 50 африканцев) 1 ноября по лесным тропинкам на велосипедах (!) пересёк анголо-конголезскую границу и вошёл в деревню Кингезе, обратив в бегство стоявший там взвод правительственной армии и захватив 6 грузовиков и два джипа. Но в дальнейшем удача отвернулась от «короля наёмников»: его отряд попал в засаду при попытке захватить армейские склады в городе Дилоло (необходимо было вооружить три тысячи повстанцев Катанги) и отступил. После этого Мбумба ушёл в Анголу, где продолжил борьбу против режима Мобуту. В 1978 году он был лидером Фронта национального освобождения Конго («Тигры Катанги») и одним из организаторов рейда на город Колвези, отбить который удалось лишь парашютистам Иностранного легиона под командованием Филиппа Эрулена (об этом будет рассказано в одной из следующих статей).

А Шрамм вывел остатки своих людей в Руанду.

В неудаче этого мятежа Шрамм обвинял Денара, который действительно действовал как-то непривычно для себя, странно и нерешительно. Однако следует признать, что план операции «Кэриллис» с самого начала выглядел очень уж авантюрно, а после похищения пользовавшегося поддержкой в Конго Моизе Чомбе шансы на успех и вовсе стали минимальными.

В Париже Денар основал фирму «Солдаты удачи» (Soldier of Fortune), которая занималась вербовкой умеющих хорошо обращаться с оружием молодых людей для африканских диктаторов (а также для тех, кто африканским диктатором ещё только желал стать). Считается, что число государственных переворотов, в которых так или иначе участвовал Денар, составляет от 6 до 10. Четыре были успешными, и три из них организовал лично Денар: недаром его называли «королём наёмников», «кошмаром президентов» и «пиратом Республики».

Впрочем, в одном из интервью на вопрос журналиста о книге Саманты Вейнгарт «Последний из пиратов», героем которой он стал, Денар с иронией ответил:

«Как видите, у меня на плече нет попугая и деревянной ноги».

* * *

Как мы помним, что, вернувшись в Париж из Конго, Робер Денар стал работать над созданием фирмы по набору наёмников, получившей название «Солдаты удачи» (Soldier of Fortune). Но в кабинете своей конторы Денару было скучно, и потому он и сам продолжал воевать. При этом за спиной своих бойцов он никогда не прятался, и потому, как сам вспоминал, за свою жизнь «был ранен 5 раз, не считая царапин».

В какой-то момент репутация Денара достигла таких высот, что в форс-мажорных ситуациях, когда он принимал под личную охрану какого-нибудь претендента или уже состоявшегося диктатора, те готовы были платить ему до 20 тысяч долларов в час. Журналисту «Известий» Г. Зотову, интересовавшемуся ценами на его услуги, Денар с усмешкой сказал:

«На Коморах одна цена, в Москве обойдется дороже... А у вас, что, есть какой-то особый план переворота? Если есть, давайте обсудим, может мне понравится, и я сделаю вам скидку... Если кто-то закажет оптом три переворота, это будет дешевле».

(Думается, таким ответом Денар просто «осадил» задавшего неуместный вопрос дилетанта.)

Но не нужно думать, что, появившись в какой-нибудь стране, Боб Денар сразу же брал в руки свой любимый АК-47 и начинал палить из него во все стороны, зачищая окрестности. Нет, он оказывал и гораздо более серьёзные услуги: где-то помогал формировать гвардейские подразделения, где-то оказывал помощь в создании контрразведки, выступал в роли военного советника, консультировал по разным деликатным делам, занимался обучением личного состава.

Новые приключения Боба Денара

После поражения «восстания белых наёмников» и возвращения из Конго Денар получил приглашение от своего старого друга Роже Фулька, который звал его в Нигерию. Там в это время появилось новое самопровозглашенное государство – Республика Биафра (просуществовало до января 1970 года).

Нигерия и Биафра

Здесь Боб Денар выполнял в основном функции «mercenaire de la charite» – «наемника милосердия»: занимался эвакуацией беженцев из зоны военных действий. Но ситуация была такова, что периодически приходилось и воевать.

Одна из групп мерсенэров Биафры

Затем пути друзей разошлись: убедившись в неизбежности поражения повстанцев, Фульк раньше времени вывел своих людей из Биафры и вернулся во Францию, а Робер Денар отправился в Габон, где у власти оказался Альбер Бонго – бывший капитан ВВС Франции (в 1973 года он примет ислам и станет Эль-Хадж Омаром Бонго). Денар стал инструктором президентской гвардии и военным советником президента, а также оказал большое содействие в создании Societe Gabonaise de Securite, службы контрразведки этой страны. Выполнил он и ещё

одно, необычное и неожиданное поручение: руководил строительством социального поселения в городе Лекони, «подсмотренного» в Кот д'Ивуаре африканского аналога израильского кибуца.

В 1971 году Денар оказался в Мавритании, где также поучаствовал в организации президентской гвардии этой страны (видимо, это уже стало одной из основных специальностей данного командира мерсенэров), в 1972 – обучал отряды курдских сепаратистов в Иране, которые как раз собирались воевать в Иракском Курдистане. Ненадолго заглянув в 1973 году в Гвинею, в следующем году отправился в Ливию, в которую как раз в это время на фоне идущей в стране гражданской войны вошли войска соседнего Египта. Воевал на стороне монархистов.

3 августа 1975 году Денар в первый раз оказался на Коморских островах, результатом этого визита стало бегство Ахмеда Абдаллы Абдермана, президента этого небольшого государства и бывшего сенатора Франции. Потом он участвовал в подготовке специальных частей секретных служб Марокко.

Роковая неудача в Бенине

Именно король Марокко оказался «спонсором» неудачного переворота в Бенине в 1977 году. По утверждению самого Денара, через этого монарха на него вышли спецслужбы Франции, а базу для подготовки предоставил президент Габона Омар Бонго.

Начиналось всё хорошо: люди Денара сходу захватили столичный аэропорт и, добравшись до президентского дворца, стали обстреливать его из гранатомётов, частично обрушив стены. Но Денару отчаянно не повезло в тот день: президент Кереке в это время находился в порту, где разгружался корабль с советским стрелковым оружием. Узнав о нападении на дворец, он поднял по тревоге армейские подразделения, бросив в бой даже северокорейский спецназ своей личной охраны. Отряд Денара с боем отступил в аэропорт, где в перестрелке был повреждён самолёт, доставивший наёмников в Бенин. Пришлось захватить индийский авиалайнер, на котором они добрались до столицы Родезии Солсбери, где и были арестованы.

Эта история в будущем обернулась для Денара большими неприятностями, поскольку именно за эту неудачную попытку он в 1993 году был осуждён во Франции. Денар потом сетовал, что пострадал, выполняя поручение глав четырёх государств, которые в итоге оказались ни при чём, а он через 16 лет после тех событий получил 5 лет условно.

Но вернёмся в Родезию и увидим, что Денар там не пропал, а, наоборот, оказался в роли инструктора подразделений, участвовавших в боях с партизанами. И действительно, глупо было бы родезийцам не воспользоваться услугами специалиста такого уровня, который буквально «спустился с небес» на их территорию.

Возвращение в Конго

А летом 1977 года Денар оказался в Конго, где воевал... за Мобуту, конечно же, диктатора, которого он и Шрамм пытались свергнуть в 1967 году.

В провинцию Шаба тогда с территории Анголы вторглись войска Фронта национального освобождения Конго («Тигры Катанги»), которых возглавлял генерал Натаниэль Мбумба, тот самый, что вместе с Жаном Шраммом три месяца оборонял город Букава в том же 1967 году.

По просьбе Валери Жискар д'Эстена (президент Франции) король Марокко Хасан II направил в Заир полторы тысячи парашютистов, с которыми и прибыл Денар. В ноябре «Тигры» были разгромлены и отступили в Анголу.

Мобуту встретил Денара как родного и не задал ему ни единого вопроса о событиях 10-летней давности: кто старое помянет, тому глаз вон. И, думается, очень порадовался при этом, что старый знакомый пришёл в Конго с марокканцами, а не с «Тиграми». В 1978 году «Тигры»

снова придут в Катангу и сражаться с ними придётся уже легионерам Второго парашютного полка Иностранного легиона. Но об этом – в другой раз и в другой статье, которую вы скоро сможете прочитать.

Денар же в 1978 году вернулся на Коморы.

Операция «Атлантида»

Заказчиком второго переворота на Коморских островах стал Ахмед Абдалла Абдерман, бывший президент, которого Денар успешно «отправил в отставку» два с половиной назад. Перед возглавлявшим тогда Коморы маоистом Али Суалихом Мцашивой Денар никаких обязательств не имел, так как тот сам (уже позже) пришёл к власти в результате государственного переворота.

Именно с этой операцией, которую Денар назвал «Атлантида», и началась большая мировая слава этого командира наёмников. Всего 46 мерсенэров (почти все они были французами) на рыболовном траулере отплыли из порта Лорьян (Бретань) и после долгого плавания 29 мая 1978 года высадились прямо на пляже в Морони (столица Республики Коморские Острова, остров Гран-Комор). Последовала молниеносная атака резиденции главы государства, казарм национальной гвардии и опорных пунктов молодежного военизированного движения «Moïssy».

Возглавлявший Коморы Али Суалих, по слухам, был застрелен прямо в постели, в которой спал с двумя женами, но Денар утверждал, что выведенного из дворца Суалиха схватили и растерзали его местные противники.

После этого были захвачены другие острова: Анжуан и Мохели.

Вернувшийся Ахмед Абдаллах назначил Денара министром внутренних дел и командиром президентской гвардией.

Боб Денар и его коморские гвардейцы

Однако возмущение действиями Денара выразили США и Франция (которые желали сохранить свою монополию на право организации военных переворотов в Африке) и Организация африканского единства. Этот шум вокруг далеких и малоизвестных обывателям Коморских островов доказывает, что до 1978 года Денар действительно, как и утверждал всегда, работал в тесном контакте со спецслужбами, и потому «мировая общественность» до тех пор относилась к его деятельности весьма снисходительно.

26 сентября Робер Денар, демонстративно отказавшись от всех постов, вылетел в ЮАР, чтобы через несколько дней снова вернуться на Коморы: он решил задержаться на этих райских островах.

Денар получил гражданство Комор, женился и даже принял ислам и новое имя – Саид Мустафа Маджуб, по некоторым сообщениям, он совершил хадж.

«Во Франции я христианин, а на Коморах – мусульманин, вот и все. Надо уважать религию страны, где живешь»,

– так он потом объяснил своё решение.

А также создал здесь военную базу наёмников: именно отсюда он организовывал экспедиции в Анголу и Мозамбик.

Денар вспоминал:

«На Коморских островах моим личным стволом много лет был АК-47... Российское оружие отличного качества. Советская военная техника много лет стоит на вооружении стран Африки, и это показывает её надёжность, так как африканцы могут сломать что угодно».

Став главным военным советником президента, он прожил на Коморах следующие одиннадцать лет. Благодаря его связям в ЮАР, Коморы превратились в важнейшего партнёра этой находившейся под международными санкциями страны, получая большую выгоду от торговли с ней (именно через Коморы шли, например, поставки оружия). Правительство ЮАР, в свою очередь, оказывало экономическую помощь дружественному государству. Благодаря Денару и финансовой помощи из Южной Африки на Коморах появился так называемый интеграционный центр развития сельского хозяйства с экспериментальной фермой, которой было выделено 600 гектаров земли. Через Денара шли также инвестиции в гостиничный и строительный бизнес.

В 1981 г. Денара пригласил в Чад министр обороны этой страны генерал Хиссен Хабре. «Король наёмников» возглавил союзников министра – соединения племён тубу, которые осенью начали наступление с территории Судана. Закончилось всё захватом столицы в июне 1982 г. и бегством президента Чада Уэддэя. После этого Денар начал работу по созданию президентской гвардии, но под давлением ревнивых французов вынужден был вернуться на Коморские острова.

В 1987 году Денар оказался в совершенно неожиданном месте – тихой провинциальной Австралии, где он вёл переговоры с эмигрантами из островного государства Республика Вануату (ранее она носила название Новые Гебриды). Это были лидеры запрещенной партии «Вангуаку», основанной неким пророком Мули, который попытался возродить религию аборигенов. В мае-июне 1980 года он возглавил восстание на острове Спириту Санто, потерпел поражение и был приговорен к 14 годам тюрьмы. Денара пытались уговорить организовать похищение «пророка», но его данное предложение не заинтересовало.

Таинственная смерть Ахмеда Абдаллы Абдермана

В ночь на 27 ноября 1989 года на Коморах произошло событие, о причинах которого исследователи не могут прийти к общему мнению до сих пор.

Денар утверждал потом, что один из охранников Ахмеда Абдаллы Абдермана (близкий родственник президента) «без объяснений открыл шквальный огонь из автомата». И что он до сих пор не знает, на кого именно тот покушался: возможно, пули предназначались именно Денару, президент же был убит случайно.

Так или иначе, Абдалла погиб, и в его бумагах был найден приказ о передаче полномочий в случае чрезвычайной ситуации начальнику своей гвардии – Саиду Мустафе Маджубу (Роберу Денару).

Многие решили, что Денар решил избавиться от президента, чтобы поставить на его место другого человека либо даже сам возглавить это государство. Однако известно, что Абдалла был близким другом француза, и особых причин для таких крутых разборок у них просто не было.

Гораздо больше подозрений вызывает командан Ахмед Мохаммед, возглавлявший вооружённые силы Коморских островов (*Forces Armées Comoriennes*): после убийства президента по его приказу была разоружена президентская гвардия, однако Денар сумел взять ситуацию под контроль.

Но в чьих интересах действовал Мохаммед? Вполне возможно, что заказчиками выступили французы, которые и «вышибли» Денара тогда с Коморских островов, направив против него 3 тысячи французских солдат при поддержке 5 кораблей.

Денар вынужден был бежать в ЮАР, потеряв практически все свои средства, и это служит косвенным доказательством его невиновности: в противном случае он обязательно подстраховался бы, выведя часть средств в какую-нибудь оффшорную зону. Три года он приходил в себя, занимаясь главным образом написанием мемуаров и журналистской деятельностью: осно-

вал информационное агентство «Courrier Austral» («Южная почта», а не «австралийская» – оно специализировалось на новостях по Южной и Субэкваториальной Африке) и выпускал «Magazine de l'homme d'action» («Журнал человека действия»). Но репутация у него была такова, что, когда 26 сентября 1992 года на Коморах произошла новая попытка государственного переворота (во главе которого оказались сыновья бывшего президента), все сразу же обвинили в нём мирно сидевшего в ЮАР «короля наёмников». Однако никаких доказательств участия Денара найти так и не удалось.

Нетриумфальное возвращение во Францию

В ЮАР в это время дело шло к победе сторонников Н. Манделы (который был выпущен из тюрьмы 11 февраля 1990 года и 10 мая 1994 года стал президентом) и «белым» уже становилось здесь неуютно. Поэтому Денар 1 февраля 1993 года вернулся во Францию, где его тут же арестовали по обвинению в организации государственного переворота 1977 года в Бенине, и провёл в заключении 65 дней (об этом мы уже упоминали в данной статье). Но внезапно выяснилось, что он часто действовал в тесном контакте с французскими спецслужбами, оставаясь при этом частным лицом, и трудно определить тонкую грань, за которой кончались интересы Франции и начинались интересы Денара и его клиентов.

«Часто французские власти не давали мне зеленый свет, но я ехал на желтый», – так потом прокомментировал это сам Денар.

Поэтому «королю наёмников» дали 5 лет условно, посоветовав жить спокойно и «не отсвечивать».

Денар уже был мировой знаменитостью (его славе завидовал даже «бешеный Майк» – Хоар). После освобождения репортажи о нём попали на первые страницы всех СМИ, а телезрители имели удовольствие видеть, как на улице его родного города Бордо по щекам «короля наёмников» текут слезы ностальгии.

В 1994 году Денар занял пост коммерческого директора организации «Societe Internationale Business Services» – агентства по найму военных специалистов (мы помним, что во Франции их часто называли мерсенэрами). Многие исследователи полагают, что в том же году Денар участвовал в отправке наёмников в охваченную гражданской войной Руанду.

А в сентябре 1995 года Денар вдруг принял личное участие в последней своей боевой экспедиции – опять на Коморы, где он арестовал профранцузского президента Саида Джохара. Ну а что поделаешь? Нравилось ему совершать государственные перевороты на Коморских островах. В это время Денару было уже 66 лет (по некоторым источникам, 68), но, как говорится, мастерство не пропьёшь – руки помнят.

В.А. Рыжов

Последняя экспедиция Боба Денара

Робер Денар оказался самым активным из знаменитых командиров наёмных отрядов, другие «кондотьеры», начинавшие свой путь одновременно с ним в 60-х годах, с большой исторической сцены сошли гораздо раньше. Денар же ещё в возрасте 66 лет чувствовал себя настолько уверенно, что в сентябре 1995 года снова отправился на Коморские острова. Там в это время правил профранцузский президент Саид Джохар, которого не стареющий душой «король наёмников» и решил «отправить в отставку». Для этой цели Денар собрал всего 36 мерсенэров, но они были ветеранами, ранее служившими с ним на Коморских островах и «могли пройти от места высадки до президентского дворца с закрытыми глазами». На купленном в Норвегии судне этот небольшой отряд добрался до главного острова республики Гран-Комор, захватил столицу (город Морони) и освободил более 200 солдат и офицеров президентской гвардии, отбывавших заключение после неудачного путча 1992 года. Президент Саид Мохаммед Джохар был арестован на своей вилле, во главе республики был поставлен капитан Айюба Комбо, который через четыре дня передал власть временному правительству.

То есть Денар был «в форме», и очередной переворот у него получился не хуже, чем раньше. Он не учёл лишь реакции правительства Франции, которому такое «самовольство» ветерана очень не понравилось.

На этот раз французы в рамках операции «Azalee» послали против Денара малый фрегат класса «Le Floreal de Lorient» (иногда эти корабли относят к корветам) и 700 легионеров подразделения DLEM (de Legion etrangere de Mayotte), поддержанных командос Джибути и солдатами второго парашютного полка морской пехоты (всего около тысячи человек).

Понимавшие, что шансов против таких сил у них просто нет, Денар и его люди сопротивления оказывать не стали. Они были арестованы и доставлены в Париж.

Однако временное правительство Комор продолжило свою работу, а через полгода один из возглавлявших его принцев, Мохаммед Таки, был избран президентом Республики Коморских Островов. Таким образом, несмотря на арест Денара и его людей, в целом и этот переворот можно считать успешным – но только не для самого Денара.

Во Франции Денар снова был отдан под суд, который длился до 2007 года. В 2006 году один из бывших руководителей внешней разведки Франции, проходивший как свидетель (его имя раскрыто не было), сделал заявление:

«Когда спецслужбы не в состоянии осуществлять определенные виды секретной операции, они используют параллельные структуры. Это и есть случай Боба Денара».

В июле 2007 года суд оправдал Денара по трём пунктам и вынес обвинительный приговор по одному эпизоду, приговорив его к четырём годам заключения. Однако по состоянию здоровья в тюрьму Денар так и не попал. Некоторые писали потом о болезни Альцгеймера, которой якобы страдал в конце своей жизни Денар. Но на фотографии из зала суда перед нами хорошо сохранившийся пожилой мужчина с волевым и умным лицом, несколько не испуганный: кажется, что он с трудом сдерживает саркастическую улыбку.

Через три месяца после вынесения приговора (14 октября 2007 года) 78-летний Денар умер в своём доме в одном из пригородов Парижа, причиной смерти была названа острая недостаточность кровообращения. Похоронен он был в церкви Святого Франциска Ксавье.

В последние годы жизни Денар возглавлял ассоциацию бывших наёмников с очень интересным названием «Мир – наша страна».

Любопытно, известно ли было это название автору текста песни группы «Джем»?

*Хрупкий камень ляжет в пыль, как огонь ложится в вены.
Были – сказка, стали – быль, не помогут ваши стены...
Нам оружие не впервой – поколение бессмертных.
Сталь укладывает строй на дорогах бесконечных.
И смеется пьяный бес, зеркала прольются криво,
Мы умеем жить красиво – нам нужен мир...
И желательно весь.*

У Денара было 7 жён, которые родили ему 8 детей. Через 4 года после смерти он стал главным героем французского фильма «Мистер Боб» (2011 год), действие которого происходит в Конго в 1965 году.

Судьба Жана Шрамма

С 1968 года Шрамм жил в Бельгии и уже не принимал личного участия в операциях наёмников, но ещё в 80-х гг. консультировал латиноамериканцев (его услугами, например, пользовались ультраправые организации Боливии).

Однако прошлое всё же настигло его: в 1986 году суд в Бельгии приговорил его к 20 годам тюрьмы за давнее убийство белого плантатора в Конго (убийствами негров бельгийцы не заинтересовались). Шрамм в благоустроенную и комфортную бельгийскую тюрьму садиться почему-то не захотел, вместо этого уехал к своим друзьям в Бразилию. Здесь он написал и издал свои мемуары, которые назвал «Откровение». Умер он в декабре 1988 года, в возрасте 59 лет.

Тысяча жизней Рожера Фолька

Роже Фольк (Фульк в другой транскрипции) был постоянным партнёром Денара и активно сотрудничал с ним в последующие годы. Вместе с ним, как мы помним из прошлой статьи, он воевал за «короля-имама» аль-Бадр в Йемене в 1963 году. Тогда к боевым действиям против новых республиканских властей, помимо них, были привлечены числившиеся в отпусках кадровые сотрудники SAS, а финансирование шло через Саудовскую Аравию.

В 1967 году Фольк во главе отряда мерсенэров находился в Биафре, богатой нефтью нигерийской провинции, которую населял народ игбо. Сюда он также позвал Боба Денара, а другими «авторитетными» бойцами, сагитированными тогда Фольком, стали немец Рольф Штайнер и уроженец Уэльса Тэффи Уильямс.

Рольф Штайнер родился в Мюнхене в 1933 году и был сыном одного из пилотов эскадрильи знаменитого «красного барона» Манфреда фон Рихтгофена. За плечами 34-летнего Штайнера была служба в первом парашютном полку Иностранного легиона, война в Индокитае и в Алжире. Также он был членом OAS и участвовал в одном из покушений на Шарля де Голля, был арестован и в течение 9 месяцев находился под следствием.

В Биафре Штайнер быстро пошёл в гору: начав службу командиром роты, закончил командующим созданной им самим 4-й бригады коммандос («Чёрный легион»), эмблемой которого были череп и кости, а девизом – фраза «Моя Честь зовётся Верность».

Начало карьеры наёмника было для него столь удачным, что он продолжил её в Уганде, но был предан новыми властями этой страны и три года находился в Судане, где его держали в железной клетке посреди тюремного двора, морили голодом и пытали. В Германию Штайнер вернулся инвалидом. Здесь он написал книгу «Последний кондотьер».

Рольф Штайнер был нетипичным наёмником: он называл себя «искателем приключений» и утверждал, что воевал не за деньги, а за убеждения. И действительно, он не ушёл из

Биафры с другими мерсенэрами Фолька, и журналист France Soig написал тогда об оставшихся: «Им нужен еще один, чтобы создать хорошее название для фильма и сотни, чтобы создать армию» – вероятно, вы догадались, что намекал он на «Великолепную семерку». И в дальнейшем Штайнер мог избежать ареста, если бы согласился свидетельствовать против своего друга – Иди Амина, начальника Генштаба угандийской армии.

Другой подчинённый Фолька, Тэффи Уильямс, родился в Уэльсе, но детство и юность провёл в ЮАР.

А ранее он служил у Майка Хоара в Конго – в знаменитом батальоне «Диких гусей» (Commando-5). И в Конго, и в Биафре он прославился абсолютным бесстрашием, лично водил солдат в атаки под огнём пулемётов, и подчинённые считали его «заговорённым». В Биафре он служил в «Чёрном легионе» Штайнера и очень высоко оценивал боевые качества подчинённых ему повстанцев, утверждая:

«Нет никого сильнее этих людей. Дайте мне 10.000 биафрийцев, и в течение шести месяцев мы построим армию, которая была бы неукротима на этом континенте. Я видел, что мужчины умирают во время этой войны так, что если бы они воевали во Второй мировой за Англию, то заработали бы Крест Виктории».

Уильямс полностью отработал свой контракт в Биафре и покинул эту провинцию последним из «Великолепной шестёрки» Штайнера. Поэтому его часто называют «идеальным наёмником». Многие полагают, что именно Тэффи Уильямс стал прототипом главного героя книги Ф. Форсайта «Псы войны».

Воспользовавшись случаем, скажем несколько слов о других знаменитых «волонтёрах» Биафры: лётчиках Карле фон Розене и Линне Гаррисоне.

Карл Густав фон Розен был графом, сыном известного шведского этнографа и племянником Карин Геринг (в девичестве Фок) – жены Германа Геринга.

Во время вторжения Италии в Эфиопию (1935 год) он служил в авиации Красного Креста и во время одной из миссий получил химические ожоги от иприта, применявшегося итальянцами. Потом на купленном им самим самолёте «Дуглас DC-2», переделанном в бомбардировщик, в 1939–1940 гг. он воевал в качестве добровольца на стороне Финляндии. После начала II мировой войны британцы отказались принять его на службу из-за родственных отношений с Герингом. Позже фон Розен был личным пилотом генерального секретаря ООН Дага Хаммаршёльда, самолёт которого был сбит в ночь на 18 сентября в Конго. Карл фон Розен тогда был болен, и потому самолётом управлял другой пилот – тоже швед.

После начала войны в Нигерии он при поддержке французской разведки доставил в Биафру 5 самолётов Malmo MFI-9, переоборудованных в штурмовики: так была создана знаменитая эскадрилья «Дети Биафры» (другой вариант перевода – «Младенцы Биафры»), удивившая всех своими смелыми и эффективными действиями.

В 1977 году Эфиопия и Сомали начали войну за провинцию Огаден.

Парадокс состоял в том, что союзником СССР вначале было именно Сомали, и Советский Союз старательно и не жалея сил и средств, фактически создал в этом государстве современную армию. А потом о «социалистической ориентации» объявила Эфиопия, а сомалийцы нашли поддержку у США, Саудовской Аравии, Пакистана, Ирака и некоторых других арабских стран. Теперь в этом раунде «холодной войны» советские лидеры оказались на стороне Эфиопии, армия которой «производила гнетущее впечатление». Формула победы была проста: советское оружие, инструкторы, советники плюс революционные кубинские солдаты (18 тысяч человек), переброшенные из Анголы и Конго. И ещё некоторое количество йеменцев и неожиданно оказавшийся на советско-кубинско-эфиопской стороне Карл фон Розен. Кубинцы тогда потеряли 160 человек, СССР – 33 «военных специалиста». И 13 июля 1977 года во время атаки сомалийских партизан погиб Карл фон Розен.

Линн Гаррисон, канадец ирландского происхождения, начинал свою карьеру пилота в качестве лётчика-истребителя – самого молодого в ВВС послевоенной Канады (служил с 1954 по 1964 гг.). Своим сослуживцам он запомнился фразой: «Если у этого самолёта есть топливо и слышен шум мотора, я могу им управлять».

Во время службы на Синайском полуострове одно время выполнял обязанности личного пилота заместителя Генерального секретаря ООН Ральфа Банча.

Гаррисон увлёкся коллекционированием «классических» самолётов (и мог позволить себе это удовольствие). К 1964 году он приобрёл 45 машин, среди которых оказались, например: Lockheed T-33 Shooting Star, Hawker Hurricane, Fokker D.VII, Morane-Saulnier MS.230, Supermarine Spitfire, Havilland DH.98 Mosquito, Vought OS2U Kingfisher, Vought F4U Corsair, Mustang P-51, B-25 Mitchell.

В 1964 году Гаррисон основал музей авиации Канады, в 1966 году был организатором авиашоу в Лос-Анджелесе.

Во время гражданской войны в Нигерии он стал пилотом эскадрильи «Дети Биафры». Как вы понимаете, о деньгах этот богатый коллекционер думал тогда в последнюю очередь.

Затем Гаррисон поучаствовал в «Футбольной войне» между Гондурасом и Сальвадором (6-14 июля 1969 года). Это были последние в истории бои между поршневыми самолётами. Противоречия между этими странами нарастали уже давно, непосредственной причиной начала боевых действий стало поражение Гондураса во втором отборочном матче чемпионата мира 1970 года. «Удачливая» сборная Сальвадора потом на этом чемпионате проиграла все матчи и не забила ни одного гола.

В 1980 году Линн Гаррисон попытался снять на Гаити телевизионный фильм о культуре вуду, но всё закончилось избиением съёмочной группы местными крестьянами на кладбище во время попытки раскопать могилу предполагаемого зомби. В 1991 г. Гаррисон вернулся на Гаити в качестве советника диктатора Гаити Рауля Седраса. В 1992 году он стал консулом США в этой стране, совместно с Пэтом Коллинзом оказывал помощь в реорганизации её армии. В 2010 году вышел в отставку и остался на Гаити.

Гаррисон известен также и как постановщик авиационных трюков в некоторых фильмах.

Линн Гаррисон – один из немногих и ныне здравствующих участников событий тех лет.

Но вернёмся к Фольку, который лавров в Биафре не снискал и предпочёл вывести своих людей раньше срока, сославшись на плохое снабжение оружием и боеприпасами, что являлось нарушением контракта. После этого «ушёл на покой» и, пользуясь всеобщим уважением, жил во Франции. В 2010 году он даже был почётным гостем на главном празднике Иностранного легиона в честь сражения при Камероне.

Умер Фольк в Ницце 6 ноября 2011 году (в возрасте 86 лет).

После возвращения из Конго Майк Хоар, казалось, отошёл от «больших дел» и даже совершил кругосветное путешествие на яхте. Если в СССР и странах социалистического лагеря про командира «Диких гусей» и его подчинённых писали исключительно в «чёрных тонах», то на Западе у него была вполне приличная репутация человека, спасшего от расправы тысячи невинных европейцев.

Он ещё попытался «трудоустроиться» во время гражданской войны в Нигерии (о которой было упомянуто выше), но не сумел договориться об оплате своих услуг. А вот его бывшие подчиненные по Commando-5 Алистер Уикс и Джон Питерс тогда неплохо зарабатывали на вербовке пилотов: Уикс набирал их для Биафры, а Питерс – для Нигерии. Но для Уикса все закончилось печально: его самолёт с несколькими тоннами нигерийских долларов задержали в Того, деньги конфисковали, а сам Уикс и его пилот отсидели 84 дня в тюрьме.

Всё же ему было скучно вести жизнь «заслуженного пенсионера», и в 1975 году он, как утверждают многие, участвовал в вербовке наёмников, которые потом отправились в Анголу.

Подражая Роберу Денару, в 1976 году Хоар организовал «Клуб диких гусей» – контору наёмников, многие из которых потом оказались в Родезии.

А в конце 70-х гг. Майкл Хоар выступил консультантом кинокартины «The Wild Geese» («Дикие гуси», 1978 год), сценарий которой был написан по мотивам романа Дэниэла Карни «Тонкая белая линия».

В этом фильме в роли сержанта Дональдсона снимался актёр Йен Юли (Ian Yule), который ранее служил у «Бешеного Майка» в «Коммандо-5», а роль Аллена Фолкнера (одним из его прототипов стал Майк Хоар) сыграл сам Ричард Бёртон.

Из других знаменитостей в фильме отметились Роджер Мур и Ричард Харрис.

Но именно Хоару, единственному из этой весёлой компании наёмников революционной Катанги, суждено было попасть в тюрьму.

В 1981 году Хоар решил тряхнуть стариной и взялся выполнить заказ правительства ЮАР по организации государственного переворота на Сейшельских островах. Любопытно, что действовал Хоар тогда в интересах законного президента Джеймса Мэнчема, который в 1977 году был изгнан «социалистом Индийского океана» Франсом Альбером Рене.

24 ноября 46 бойцов отряда Хоара собрались в аэропорту Йоханесбурга. Среди них оказались три ветерана знаменитого Commando-5 («Дикие гуси») – они стали заместителями Хоара. Вторая группа бойцов была представлена бывшими военнослужащими разведывательного и парашютного полков SADF (South African Defence Force, Южно-Африканских сил обороны). Третья – ветераны родезийского подразделения «Скауты Селуса», специализировавшиеся на борьбе с партизанами.

Наконец, родезийцы из созданной в 1975 году частной военной компании SAS (Security Advisory Services). Её основатели, Джон Бэнкс и Дэвид Томкинс, намеренно взяли название, аббревиатура которого была идентична аббревиатуре знаменитого британского спецподразделения Special Air Service.

В путь все они отправились под видом членов клуба бывших игроков в регби с легкомысленным названием «Орден сдувателей пивной пены» – AOFB. Но Хоара тогда подвело неадекватное поведение одного из его бойцов, у которого оказались явные проблемы с психикой.

Первый неприятный инцидент произошёл еще в городе Эрмело, где, в отсутствие Хоара, наёмники слегка «перебрали» в баре отеля Holiday Inn и один из них избил не понравившегося ему посетителя. Хоар приказал заплатить бедолаге, и скандала удалось избежать. 25 ноября отряд «регбистов» прибыл в аэропорт Пуэнт-Ларю (город Виктория) на острове Маэ.

А времена тогда были столь идиллическими, что в своих спортивных сумках они везли разобранные автоматы Калашникова.

Дальнейшее не поддаётся разумному объяснению.

У предпоследнего из наёмников в сумке (в которой, напомним, был спрятан разобранный автомат) оказались запрещённые к провозу фрукты. Именно их и обнаружили таможенники.

Подчинённый Хоара, видимо, очень любил личи, и потому вместо того, чтобы спокойно расстаться с ними и идти в автобус, стал препираться. А когда обозлённый таможенник, всё-таки забрав фрукты, начал выписывать ему штраф, устроил скандал с криками: «Вы обыскали меня потому, что я креол», нарвался на полноценный обыск. Остальные люди Хоара были настоящими профессионалами. Стоявший рядом с этим психопатом бывший парашютист Кевин Бек собрал свой автомат за 15 секунд, остальные, уже успевшие сесть в автобус, услышав шум, были готовы через полминуты. Но всё пошло не по плану, в неравный бой вступить пришлось прямо в аэропорту, который всё-таки удалось захватить (при этом бойцы Хоара сожгли полицейский броневик). Но дальнейшие действия стали невозможны из-за прибытия дополнительных сил, в том числе армейских частей. Осознав, что делать на Сейшелах им больше нечего, Майк и его парни захватили индийский самолёт и отправились на нём обратно

в ЮАР, где были арестованы на 6 дней. Мировая пресса «окрестила» эту операцию «Турне с переворотом».

За нападение на аэропорт и угон авиалайнера Хоара осудили потом на 20 лет (отсидел 33 месяца). За это время Хоар получил множество писем со словами поддержки от бывших заложников, освобожденных им в Конго, их друзей и родственников. Вот что было написано в одном из них:

«Уважаемый полковник. 25 ноября 1964 года, в день стэнливильской резни, Вы вместе с полковником американской армии Раудштейном и отрядом ваших людей спасли американскую семью, которая жила на окраине города, удерживаемого повстанцами. Вы тогда посадили маленькую девочку на заднее сиденье своего грузовика и отвезли семью в безопасное место. Я и есть та маленькая девочка. Сейчас мне 23 года. Теперь у меня есть муж и собственные дети, и я их очень люблю. Спасибо за то, что подарили мне жизнь».

Выйдя на свободу, Хоар стал писать книги и мемуары: «Наемник», «Дорога на Каламату» и «Сейшельская афера».

Майкл Хоар умер 2 февраля 2020 года в Дурбане (ЮАР) на сто первом году жизни, и о его смерти сообщили СМИ всего мира.

Евгения Барсова

Поражение после победы. Война в Алжире

Война в Алжире, начавшаяся в ночь с 31 октября на 1 ноября 1954 года и продолжавшаяся восемь лет, унесла жизни полумиллиона человек, большинство из которых были арабами. Несмотря на военные успехи в борьбе с повстанцами, из-за провала на политическом фронте Франция была вынуждена оставить свою колонию.

Оккупация длиной в столетие

История французского завоевания Алжира берёт своё начало с 1830 года – именно тогда на берег Северной Африки высадился десантный корпус, и после непродолжительной обороны город был взят. Официально его захват объяснялся необходимостью избавления от турецких правителей. Поводом к взятию города послужил и дипломатический конфликт, произошедший тремя годами ранее, когда алжирский бей ударил французского консула мухобойкой. В действительности же французские власти рассчитывали на то, что военная кампания сплотит армию и поможет утверждению реставрированной власти короля Карла X. Этот расчёт отказался неверным, и вскоре власть короля пала. Впрочем, это не помешало французам колонизировать остальную территорию Алжира – началась оккупация, которая продлилась 132 года.

В начале оккупации местное население ещё предпринимало попытки сопротивления – очаги восстания вспыхивали в разных уголках страны, но были подавлены. В 1848 году Алжир был объявлен французской территорией под управлением генерал-губернатора и поделён на департаменты во главе с префектами. Арабы прозвали первых колонистов «черноногими» – вероятно, по причине того, что те носили чёрные кожаные ботинки. Черноногие осовременили Алжир, начали строительство шоссе, железных дорог, школ и больниц, а избранные из числа местного населения теперь могли изучать французский язык, историю и культуру.

ФНО начинает борьбу

К 1945 году Алжир населяли почти миллион европейцев, пятая часть из которых была чистокровными французами – власть над страной принадлежала им, как и наиболее плодородные земли. Коренное население не имело права занимать высокие государственные посты и было ограничено в избирательных правах. Несмотря на более чем столетнюю историю колонизации, в 40-е годы в стране стала разгораться борьба за независимость. Поначалу это были одиночные акции, которые становились всё более успешными – так, мятеж в городке Сетиф, произошедший в 1945 году, породил беспорядки по всей стране, на которые французы отреагировали чудовищными карательными акциями. События в Сетифе наглядно продемонстрировали, что мирная борьба за свои права для алжирцев невозможна.

Фронт Национального Освобождения (ФНО) стал самым крупным движением, возникшим в результате слияния нескольких группировок и возглавившим борьбу за независимость Алжира. Сдача французского гарнизона в Дьенбьенфу 7 мая 1954 года, произошедшая в далёком Вьетнаме, воодушевила алжирцев на попытку достичь желанной независимости вооружённым путём. Эта борьба основывалась, прежде всего, на местном партизанском движении. Помимо этого, вожди ФНО рассчитывали на поддержку ООН, арабских стран и помощь коммунистического блока, а также намеревались заявить о праве алжирского народа на самоопределение на международной арене.

Зуавы

Основным полем своей деятельности Фронт избрал территорию горного массива Орес, служившую укрытием от правительственных войск. В 1945-54 годах горцы трижды подняли восстания против французов, а потому руководство ФНО рассчитывало, что вновь сможет заручиться поддержкой населения.

Как беспорядки переросли в войну

В октябре 1954 года по всему Алжиру разносились указания: «Вооружаться, тренироваться и быть наготове». ФНО создавал подпольные сети мастерских по производству взрывных устройств, партизанам тайно доставлялось огнестрельное оружие, от магазинных винтовок времён Первой мировой до вооружения, утерянного американцами при высадке в Северной Африке в 1942 году. Решающим моментом для восстания был выбран канун Дня всех святых (ночь с 31 октября на 1 ноября) – около семисот мятежников одновременно осуществили семь нападений в разных районах страны, убив семерых и ранив четверых французов. Французские власти не усмотрели в этом начала войны, так как численность повстанцев была незначительной, а их вооружение оставляло желать лучшего. Однако мятежники были настроены решительно, намереваясь лозунгом «чемодан или гроб» вынудить европейцев покинуть Алжир под страхом смерти. Этот призыв изумил тех, кто считал страну своим домом из поколения в поколение – алжирским французам казалось невероятным, что кто-то может усомниться в их праве именоваться алжирцами.

В самой Франции решение об удержании Алжира было обусловлено рядом причин: присутствием там множества поселенцев, формальным включением его в состав метрополии, престижем государства и, наконец, обнаружением нефтяных залежей на юге страны.

На момент начала восстания французские власти имели в своём распоряжении около 49 000 солдат всех родов войск. Военно-воздушные силы французов состояли из восьми «юнкеров» и одного вертолёта. Неверная оценка властями метрополии реального положения дел позволила повстанцам накопить силы и превратила в неизбежность распространение парти-

занской войны на всю территорию Алжира. Ответом колонизаторов на повстанческий террор стали беспорядочные аресты подозреваемых, поиск и уничтожение партизан.

Социальные и экономические реформы, спешно проводимые правительством Франции, запоздали, а потому не принесли желаемого результата. Хотя коренным жителям теперь был открыт доступ к государственным постам, образование стало доступным, снизилась разница в заработных платах между европейцами и мусульманами, вождь ФНО ничего кроме полной независимости удовлетворить уже не могло. Эскалация конфликта продолжилась. В страну прибывали армейские подкрепления, и в марте 1955 года в Алжире было объявлено военное положение. Повстанцы по-прежнему испытывали трудности с вооружением, поэтому тактика ФНО заключалась в ведении войны на истощение. Мятежники сосредоточили свои усилия на расширении подпольных структур, склоняя народ на свою сторону – как с помощью пропаганды, так и запугиванием.

Террор как инструмент борьбы

ФНО отменил запрет нападать на европейских поселенцев и приступил к неограниченному террору против французского населения Алжира. Тем самым повстанцы провоцировали власти Франции на ответные военные меры и способствовали росту отчуждения между двумя народами. Так, 20 августа 1955 года мятежники совершили зверское нападение на европейскую общину в городке Филиппвиль, убивая людей без различия возраста и пола. Солдаты, прибывшие на место, разбирались недолго и, собрав всех схваченных, выстроили их у стены и расстреляли из пулемётов. Согласно официальным источникам, количество убитых составило 1273 «повстанца», действительное же число жертв осталось неизвестным.

Зверства повстанцев изменили отношение к ним со стороны французских военнослужащих, а рост насилия со стороны армии привёл к тому, что партизанские отряды стали пополняться ещё большими темпами. Кроме того, алжирские повстанцы стали получать материальную помощь и поддержку от стран коммунистического блока и арабских государств.

Во Франции события в Филиппвилле привели к смене правительства во главе с премьер-министром Ги Молле. Его политика в отношении Алжира заключалась в том, чтобы сначала выиграть войну, а затем проводить реформы. Меры по увеличению армейского контингента в Алжире вывели войну на общенациональный уровень – численность французских войск в стране возросла с 50 000 человек в 1954 до более 400 000 человек в 1958 году. Сначала контингент пополнялся за счёт ветеранов, которые возвращались из Индокитая. Позднее Алжир стал местом дислокации одного из самых боеспособных французских подразделений – Иностранного легиона. В первые годы войны солдаты французской армии были плохо подготовлены к африканским условиям и не имели опыта ведения антипартизанской борьбы. Основным подходом к борьбе с повстанцами стал «квадрильяжный» метод, согласно которому страна делилась на семьдесят пять секторов. В каждом из них находились гарнизоны, проводилось патрулирование и было налажено сотрудничество с САС (Специальной Административной Секцией) – особой организацией, выступавшей посредником между администрацией и местным населением при проведении военных операций, а также оказывавшей населению социальную помощь.

Важнейшим местом борьбы за независимость стала алжирская столица. Одному из лидеров ФНО Ясефу Саади было поручено начать в городе безжалостный террор с целью дискредитации французского правления, и вскоре Алжир погрузился в хаос с непрекращающимися взрывами и повсеместными убийствами. Террор со стороны повстанцев вызвал ответные действия французов – так называемый ратоннаж (избиение арабов). Известно, что во время боёв за Алжир без вести пропали около 3000 мусульман. Наведением порядка в столице руководили генерал Массю и майор Оссаресс, которые ввели комендантский час и оградили мусульман-

ское население города колючей проволокой. В военном отношении ФНО потерпел поражение – погромы и взрывы в столице прекратились, а Ясеф Саади попал в плен. В самой же Франции бои за алжирскую столицу подняли волну критики в адрес армейского руководства, которое, в свою очередь, испытывало отвращение и ненависть к правительству Четвёртой Республики.

Французский парад в Алжире

Теперь большинство боевиков ФНО оказалось за пределами Алжира (многие нашли укрытие в соседних Тунисе и Марокко), и французские власти сосредоточили свои усилия на изоляции страны, перехватывая корабли и перекрывая воздушные трассы. Помимо этого, на тунисской границе была возведена знаменитая «линия Мориса» – восьмифутовая ограда из колючей проволоки под напряжением в 5000 вольт, минные поля и наблюдательные вышки. Все эти усилия заставили повстанцев ощутить тяжелейшую нехватку оружия и боеприпасов, ставя под вопрос само существование партизанских отрядов.

Однако в это время политическая обстановка в метрополии стала меняться. Непопулярность войны, экономические и социальные затруднения снизили уровень поддержки правительства во Франции, в то время как в Алжире любые планы по смене курса воспринимались черноногими как предательство. 13 мая 1958 года они захватили столицу колонии и провозгласили собственное правительство чрезвычайного положения. Командование армейского контингента поддержало это самопровозглашённое правительство, и Франция была на грани революции, когда в игру вступил Шарль де Голль, ставший премьер-министром. В свою очередь, вожди ФНО объявили о создании Временного революционного правительства Республики Алжир, и эта идея была немедленно поддержана арабскими странами.

Придя к власти, де Голль назначил командующим войсками в Алжире генерала Мориса Шалля, который сразу начал широкомасштабные рейды по поиску партизан. Его «Операция Оранже», начатая элитными частями парашютистов, за которыми следовали механизированные колонны, объединила действия наземных и авиационных частей. Так, вертолёты Н-21, прозванные «летучими бананами», за пять минут могли высадить два батальона десантников. Кроме того, для штурмовки наземных целей были переоборудованы триста учебно-тренировочных самолётов. Механизированные колонны блокировали партизан, после чего штурмовики наносили по ним ракетно-бомбовые удары. По словам генерала Шалля, в ходе операции, продолжавшейся два месяца, французам удалось разгромить половину повстанческих отрядов.

Франция меняет курс

Несмотря на военные успехи, французы так и не выработали политического рецепта завершения конфликта. Де Голль намеревался сохранить общность между двумя народами, предоставив мусульманам равные гражданские права с французами. 16 сентября 1959 года он заявил, что вопрос о предоставлении Алжиру независимости будет решаться на референдуме. В ответ единственный выживший из девяти руководителей ФНО Белькасим Крим, обращаясь к своим сторонникам, подчеркнул: «Ваша борьба вынудила врага говорить о самоопределении, отказываясь от мифа о французском Алжире». С этого момента подполье прекратило все явные военные операции, дабы продемонстрировать миру, что ФНО остался непобеждённым. На международной арене началась активная пропаганда поддержки Алжира в борьбе за самоопределение, а агитаторы ФНО осуждали действия французов в колонии, пытаясь посеять раздор между Францией и её союзниками.

Самолеты «Скайрейдер» над Алжиром

В самой французской армии росло смятение и подавленность. Радикальные приверженцы идеи сохранения Французского Алжира создали Тайную Военную Организацию (ТВО), которая стремилась удержать власть черноногих в стране. Мятеж, поднятый в апреле 1961 года генералами, включая Шалля, сделал очевидным тот факт, что большая часть французской армии в Алжире не поддерживает «капитулянтскую политику» де Голля. Хотя власть де Голля находилась под угрозой, в мае 1961 года правительство приняло решение начать переговоры с ФНО.

Это противоречило неоднократным обещаниям французского правительства не вступать в переговоры с террористами. Переговоры, продолжавшиеся в течение года, привели к отказу Франции от своих первоначальных позиций, и 19 марта 1962 года были подписаны Эвианские соглашения, завершившие войну и открывшие Алжиру путь к независимости. Это соглашение завершило шестнадцатилетние попытки Франции удержать колонии в Индокитае и Северной Африке. По условиям договора безопасность колонистов должна была обеспечиваться новыми властями в течение трёх лет, однако эти обещания многим показались призрачными, и почти 750 000 человек покинули страну, переселяясь во Францию, Испанию и Израиль. Однако наиболее трагично сложилась судьба алжирцев, которые в годы войны поддерживали французов – запрет на «незаконную» эмиграцию из Алжира способствовал жестокому самоуправству со стороны ФНО, который истреблял целые семьи.

Последствия конфликта

Война в Алжире, длившаяся восемь лет, унесла жизни полумиллиона человек, большинство из которых были арабами. Несмотря на военные успехи в борьбе с повстанцами, из-за провала на политическом фронте Франция была вынуждена оставить Алжир. Интересно, что до 1999 года французские власти отказывались называть произошедшее войной. В 2001 году

генерал Поль Оссаресс открыто признал факт применения пыток и казней в Алжире с разрешения французского руководства.

Главная цель французов – сохранить колониальное правление в Алжире без радикальных перемен в его политической системе – была обречена на провал. Во Франции последствия той войны ощущаются и поныне. Так, условия Эвианского соглашения открыли доступ во Францию алжирским гастарбайтерам – впоследствии они превратились в граждан второго сорта, населивших окраины крупных городов. Регулярные беспорядки во Франции свидетельствуют о том, что исторический конфликт между французским государством и алжирскими мусульманами не исчерпан до сих пор.

Антон Ляпин

Цена свободы

Алжирская война за независимость по сей день считается весьма запутанным и неоднозначным событием. Ее итогом стало не только освобождение Алжира, но и кардинальные изменения внутри самой Франции, ставшие причиной крушения так называемой Четвертой республики.

С началом Второй мировой войны в Алжире усилились волнения, связанные с желанием местного населения получить независимость. После капитуляции Франции этот регион стал, по сути, поставщиком продовольствия для войск Германии и Италии, что еще больше ухудшило положение местного населения. Поэтому когда в ноябре 1942 года в Алжире высадился англо-американский десант, алжирцы с большим рвением поддержали действия союзных войск.

8 мая 1945 года, когда вся Европа праздновала победу, борцы за свободу Алжира устроили демонстрацию в городе Сетифе. Они требовали равноправия с европейцами, справедливо полагая, что заработали это собственной кровью. Однако, у французского правительства на этот счет было свое мнение. Выразилось оно в убийстве 26-летнего демонстранта, несшего флаг Алжира, из-за чего Сетиф и прилегающие районы охватили беспорядки. Французские войска совместно с колонистами (колонами) не придумали ничего лучше, чем утопить это восстание в крови. Для подавления восстания применялась артиллерия, танки и авиация. Бойня продолжалась несколько месяцев и унесла жизни нескольких тысяч алжирцев. По словам очевидцев, трупов было так много, что их негде было хоронить, поэтому их просто сбрасывали в колодцы и горные ущелья. Конечно, эти меры подавили волнения, но вместе с этим в людях зародилось желание отомстить ненавистным европейцам. Французы же, считая себя доблестными победителями, а проигравших лишь горсткой неразвитых отщепенцев, так и не прислушались к их требованиям.

В 1947 году Франция, не желая повторения майского восстания, навязала Алжиру Органический статус. В соответствии с ним Алжир становился группой департаментов с собственным гражданством и финансовой независимостью. Согласно новому статусу, было образовано Алжирское собрание, куда должно было входить 120 представителей от мусульман и европейцев. Вместе с этим, 30 тысячам мусульман, отвечающим особым гражданским и образовательным требованиям, предоставлялось французское гражданство. При этом в стране почти полностью сохранялись колониальные порядки. Итогом таких мер стало повсеместное нарушение демократических свобод мусульманской части населения, фальсификация выборов, многочисленные аресты по подозрению в связях с борцами за независимость, лишение большинства крестьян-мусульман земли, дискриминация местного населения при трудоустройстве и оплате труда. Все это провоцировало огромные темпы роста безработицы среди мусульманского населения Алжира.

Недовольство местного населения спровоцировало возникновение партизанских отрядов в отдаленных регионах, а в городах активизировалась подпольщики. В 1951 году все национальные партии Алжира объединились для защиты демократических свобод коренного населения. Из этого союза в 1954 году был рожден Фронт национального освобождения (ФНО), который объединил подпольщиков и начал активную подготовку к вооруженному восстанию, призванному навести порядок в стране и отомстить ненавистным французам за события 1945 года.

В ночь на 1 ноября 1954 года ФНО силами своей военной организации, Армии национального освобождения (АНО), атаковала несколько французских объектов в Алжире. Фран-

ция ответила на это переброской новых воинских подразделений для поддержки уже расквартированных в этом регионе, и к июлю 1955 года в стране насчитывалось уже 400 тысяч французских солдат. Но это не остановило распространение революционных настроений на территорию всей страны. Все больше крестьян, студентов, мелкой буржуазии и рабочих выражало свою солидарность с борцами ФНО. В знак поддержки по всему Алжиру устраивались демонстрации и забастовки. В поддержку мятежников организовывались сборы денежных средств, одежды и медикаментов. Фидаи и мусобили (боевики городских подпольных организаций) организовывали террористические акты, направленные на подрыв колониальной экономики.

Несмотря на то, что силы ФНО и АНО были малочисленными – всего 800 полноценных бойцов – сам момент для мятежа был весьма удачным. Дело в том, что спустя почти десять лет после Второй мировой Франция все еще не оправилась от унижения, вызванного ее быстрой капитуляцией, а правительство испытывало постоянные нападки со стороны общественности за развязывание войны в колониальном Индокитае и сокрушительное поражение при Дьенбьенфу, которое случилось буквально за полгода до событий в Алжире. Самые боеспособные войска страны все еще ожидали эвакуации из Юго-Восточной Азии.

В августе 1955 силы ФНО учинили резню в Филиппвиле, в ходе которой погиб 71 европеец и 52 профранцузски настроенных мусульманина. Франция совместно с алжирским проколониальным ополчением ответила на резню более масштабной резней. Точное количество погибших в результате ответных мер до сих пор неизвестно, по разным оценкам число жертв достигло нескольких десятков тысяч. По мнению специалистов, именно с этого момента начинается Алжирская война за независимость.

В июле 1956 года в АНО вливается Алжирская коммунистическая партия, которая до этого вела свою собственную борьбу с европейскими оккупантами. В августе того же года в долине Суммам проходит первый съезд Фронта национального освобождения на котором избирается высший орган ФНО – Национальный совет алжирской революции, или сокращенно НСАР. Там же была принята и первая программа, так называемая «Суммамская платформа», согласно которой планировалось создание независимой демократической и социальной республики Алжир. Согласно новому постановлению, на всей территории влияния колонов и французов планировалось создание сети местных комитетов ФНО, во главе которых должны были стоять политкомиссары. В принятии своих решений они должны опираться на мнение народного собрания численностью в 5 человек. Ответственность за исполнение этих решений, а также судопроизводство, сбор налогов и распределение захваченной у колонов и коллаборационистов земли должен был отвечать «Комитет трех». АНО обрела тактическую структуру. У ее членов появились воинские звания и подразделения. Самым крупным из подразделений считался батальон, но, несмотря на это, повстанцы довольно редко действовали силами больше роты. Численность же самой армии возросла до 1300 человек.

Помимо войны физической велась также и идеологическая война. Так, на территориях влияния ФНО запрещалось отдавать детей во французские школы, употреблять спиртное и табак. Это делалось из желания подчинить все местное население нормам шариата и, вместе с тем, нанести серьезный удар по некоторым отраслям французской экономики. Уличение в нарушении запретов приравнивалось к сотрудничеству с французами и каралось смертной казнью.

В ответ на партизанскую тактику алжирцев, французы применили тактику квадрильяжа. Они разделили страну на квадраты, которые закреплялись за отдельными подразделениями. Силы же парашютистов и иностранного легиона использовали для ведения мобильной войны. Кстати, алжирский конфликт стал первой войной, где для переброски солдат использовали вертолеты. Позже американцы, проанализировав деятельность французских сил, решили применить эту тактику для ведения боевых действий во Вьетнаме. В 1957 году усилиями фран-

пузских спецслужб создаются Специальные административные секции, целью которых было ведение разъяснительной деятельности среди населения отдаленных районов Алжира о вреде националистических идей. Тем самым они склоняли крестьян к верности Франции. Из добровольцев формировались отряды профранцузского ополчения, в чьи задачи входила охрана стратегических объектов и собственных поселений от деятельности партизан из ФНО. Вместе с этим, спецслужбы Франции вели активную подрывную работу в рядах Фронта национального освобождения. Чаще всего она заключалась в дезинформации противника о том, что тот или иной полевой командир переметнулся на сторону колонистов. Тем самым они вынуждали мятежников проводить внутренние «чистки», которые серьезно ослабляли ФНО.

В 1958 году лидеры ФНО создали в Каире, а затем в Тунисе, временное правительство Алжира, и начали выступать за мирное урегулирование вопроса. СССР и социалистические государства Африки и Азии в 1960 году признали де-факто легитимность временного правительства и начали оказывать ФНО материальную поддержку и требовать у ООН признания прав Алжира на самоопределение и независимость.

Между тем, в самой Франции в 1958 году вспыхивает мятеж среди верхушки французской армии в Алжире. Европейские ультраколониалисты требовали от французского правительства любыми мерами подавить сопротивление АНО. Однако, после бомбардировки 8 февраля 1958 г. селения Сакиет-Сиди-Юсеф, что в Тунисе, у Франции начались проблемы с ООН, так как перед началом бомбардировки они не обсудили эти меры с ними. Еще больше свое положение французское правительство усугубило тем, что согласилось принять помощь от США и Великобритании. Согласно плану, при посредничестве этих двух стран на территории Северной Африки должен быть создан оборонительный пакт с участием американско-британских сил. Волна негодования, вызванная этим решением, вынудила французский кабинет министров подать в отставку 15 апреля того же года.

Колоны с большим раздражением следили за всем, что происходит в метрополии. Однако чашу их терпения переполнило известие о том, что мятежниками были казнены три французских солдата, и то, что новоизбранный премьер-министр Франции Пьер Пфлимлен собирается начать переговоры с верхушкой ФНО. Колоны и ряд французских генералов, которым надоело это терпеть, решили взять все в свои руки. Они сформировали Комитет народной безопасности, от лица которого потребовали назначения в качестве премьер-министра Франции Шарля де Голля, а в случае отказа угрожали высадить парашютный десант в Париже.

Их требования были удовлетворены, и на смену Четвертой республике пришла Пятая во главе с национальным героем Второй мировой войны. Вступив в должность 1 июля, он сразу же отправился в Алжир. Французские ультра ждали от нового главы государства чуда, считая, что уж этот человек не допустит сдачи Алжира. Однако сам Шарль де Голль отзывался крайне пессимистично по поводу французского Алжира. Он понимал – процесс деколонизации уже невозможно остановить.

В это время в самом Алжире бои не прекращались. Силы АНО регулярно пополнялись за счет беженцев в Тунисе и Марокко, там же их тренировали, вооружали и вместе с партиями оружия для мятежников отправляли через границу. Поняв это, французские военные построили заградительные линии. Они представляли собой сочетание колючей проволоки, на которую подавалось напряжение, датчиков движения и минных полей. Всю первую половину 1958 года силы АНО пытались прорвать их, но, потеряв с января по июль почти 25 тысяч человек, осознали тщетность своих попыток. Единственным поприщем, где фронт освобождения все еще одерживал победу, была дипломатия. С каждым днем мировая общественность все больше обсуждала вопросы, связанные с обретением Алжиром независимости.

Осенью 1958 года де Голль обнародовал пятилетний план экономического развития Алжира. Также он пообещал ультраколониалистам масштабное наступление на партизан. Самым главным было то, что он выдвинул инициативу под названием «Мир храбрых», согласно

которой всем добровольно сдавшимся повстанцам гарантируется помилование. Интерес эта инициатива представляет тем, что до этого всех пленных колонны и французы просто казнили, а теперь, согласно инициативе премьер-министра, у партизан появлялся стимул прекратить кровопролитие. Это напугало не только верхушку ФНО, которая, имея большое количество сил и вооружения, была заблокирована за границей Алжира, но и колонов, которые теперь не могли безнаказанно пытаться и убивать пленных. Помимо этого, 16 сентября 1959 года Шарль де Голль выступил с речью, в которой признавал право Алжира на независимость. Ультраправые наконец осознали, кого они привели к власти.

Между тем, в феврале 1959 года началось обещанное министром наступление. Операция по разгрому основных сил партизан и уничтожению их лагерей продлилась до весны 1960 года и закончилась уничтожением более 50 % командного состава АНО и рассеиванием мятежников. В этом же году 17 стран Африки получили независимость, но Алжир не вошел в их число. Несмотря на то, что Франция фактически одержала победу над ФНО, боевые действия все еще продолжались, хоть и не с такой интенсивностью как раньше. В самой Франции все чаще стали вспыхивать беспорядки, направленные на свержение Шарля де Голля и его кабинета министров. К лету 1962 года ультраправые, осознав, что в этот раз так просто им не удастся навязать метрополии свои правила, прибегли к методам алжирских повстанцев – терроризму. Созданная ими «Секретная вооруженная организация» начала убивать французов ради сохранения французского Алжира. Убив с февраля по апрель 239 французов и почти 1500 алжирцев, они окончательно дискредитировали себя в глазах общественности и еще больше подтолкнули французов к мирному урегулированию вопроса.

19 марта 1962 года между Францией и временным правительством Алжира был подписан ряд соглашений, которые завершили войну и позволили алжирцам самим выбрать свой путь. На референдуме в апреле более 90 % французов проголосовали за отделение Алжира, и 5 июля Алжир был объявлен независимым государством. При содействии СССР были разминированы и разобраны заградительные линии на границе с Тунисом и Марокко. Что касается колонов, то их поставили перед выбором «чемодан или гроб», и около миллиона поселенцев покинуло Алжир.

По послевоенным подсчетам, Франция потеряла в боях 18000 солдат, колонны – 3300 человек. Сами же алжирцы утверждают, что за свою свободу они отдали от одного до полутора миллионов жизней, хотя современные историки считают эту цифру сильно преувеличенной.

Илья Полонский

Ангола. Независимость, рождённая в боях

11 ноября Ангола отмечает сорок лет независимости. С этим африканским государством, расположенным очень далеко от России, тем не менее связано многое и в советской, и в современной российской истории. Ведь сама независимость Анголы стала возможной именно благодаря политической, военной, экономической поддержке ангольского национально-освободительного движения со стороны Советского Союза. Более того – в Анголе побывали тысячи советских военнослужащих – военных советников и специалистов. Это была еще одна «неизвестная война», в которой Советский Союз оказывал помощь ангольскому правительству в борьбе против действовавшей на территории страны повстанческой организации УНИТА. Поэтому для России День независимости Анголы, который отмечается 11 ноября каждого года, также имеет определенное значение.

«Африканский алмаз» Португалии

Путь Анголы к независимости был долгим и кровопролитным. Португалия упорно не хотела расставаться со своей крупнейшей (после освобождения в XIX веке Бразилии) заморской колонией. Даже экономическая отсталость Португалии и утрата серьезных позиций в мировой политике не заставляли Лиссабон отказаться от территорий в Африке и Азии. Слишком долго Португалия владела своими колониями, чтобы безболезненно и легко с ними расстаться. Так, земли Анголы осваивались и колонизировались на протяжении почти пяти столетий. С тех пор, как в 1482 г. экспедиция португальского мореплавателя Диогу Кана прибыла в Королевство Конго, (существовавшее в северной части современной Анголы и на территории современной Республики Конго), эти земли стали объектом экономических, а позже и военно-политических интересов португальской державы. В обмен на промышленные товары и огнестрельное оружие короли Конго стали продавать португальцам слоновую кость, а главное – чернокожих рабов, востребованных в другой важнейшей колонии Португалии – Бразилии. В 1575 г. другой португальский мореплаватель, Паулу Диаш де Новаиш, основал город Сан-Паулу-ди-Луанда. Было построено крепостное сооружение – форт Сан-Мигел, а также занята земля под поселение португальских колонистов. Вместе с Новаишем прибыли сто семей колонистов и 400 солдат португальской армии, которые и стали первым европейским населением Луанды. В 1587 г. португальцы построили еще один форт на ангольском побережье – Бенгелу. Оба форпоста португальской колонизации вскоре получили статус города – Луанда в 1605 г., а Бенгела в 1617 г. Именно с создания Луанды и Бенгелы и началась португальская колонизация Анголы. Осваивая побережье, постепенно португальцы продвигались и вглубь страны. Местных правителей подкупали или побеждали в войнах.

В 1655 г. Ангола официально получила статус португальской колонии. За столетия португальского господства в Анголе несчетное количество ангольцев было вывезено в рабство – в первую очередь, в Бразилию. Один из ведущих стилей бразильского боевого искусства капоэйра так и называется – «ангола», поскольку его разработали и культивировали выходцы из центральных и восточных областей Анголы, вывезенные в бразильское рабство. Численность вывезенных из Анголы африканцев достигала 3 миллионов человек – целая небольшая страна. В то же время, до середины XIX века португальцы контролировали лишь ангольское побережье, а набеги за рабами во внутренние области Анголы осуществлялись с помощью местных царьков и профессиональных работорговцев. Вожди племенных образований Внутренней Анголы долго сопротивлялись португальской колонизации, поэтому окончательно

завершить завоевание страны португальские колониальные войска смогли лишь к 1920-м гг. Столь длительный процесс колонизации Анголы неизбежно сказался на формировании социальных и культурных различий ангольского населения. Африканское население Луанды, Бенгелы и некоторых других прибрежных городов и районов проживало под властью португальцев несколько столетий. За это время оно было христианизировано и перешло на португальский язык не только в официальном, но и в бытовом общении. «Асимиладуш» – так португальцы называли европеизированную часть ангольского населения, исповедовавшую католицизм и говорившую на португальском языке. Население внутренних районов Анголы процессам культурной ассимиляции практически не подверглось и продолжало вести архаичный образ жизни, говорить на племенных языках и исповедовать традиционные верования. Конечно, постепенно и во внутренних районах распространялся португальский язык и утверждалась христианская религия, но происходило это достаточно медленно и поверхностно.

«Расовая демократия» и люди трех сортов

Тем не менее, португальские колониальные власти любили рассуждать о том, как Португалия беспокоится о благополучии чернокожих жителей Анголы. Однако, вплоть до прихода к власти в Португалии профессора Оливейру Салазара, португальская элита не задумывалась об идеологическом обосновании необходимости присутствия в африканских и азиатских колониях. Но Салазар был человек политически грамотный и озабоченный вопросами сохранения контроля над заморскими владениями. Поэтому в годы его правления в Португалии получила широкое распространение концепция лузотропикализма. Ее основы сформулировал бразильский ученый Жилберту Фрейри в работе «Большая хижина», опубликованной в 1933 г. Согласно точке зрения Фрейри, португальцы занимали особое место среди других европейских народов, поскольку издавна контактировали, взаимодействовали и даже смешивались с представителями африканских и азиатских народов. В результате выполнения цивилизаторской миссии португальцам удалось сформировать уникальную португалоязычную общность, объединяющую представителей самых разных рас и народов. Это произошло, в том числе, и потому, что португальцы, по мнению Фрейри, отличались куда большей, по сравнению с другими европейскими народами, расовой терпимостью. Эти взгляды импонировали Салазару – отнюдь не потому, что португальский профессор видел свое родство с ангольскими крестьянами или рыбаками Восточного Тимора, а поскольку с помощью популяризации лузотропикализма можно было преодолеть нарастающие антиколониальные настроения в африканских и азиатских владениях и продлить господство Португалии еще на некоторое время. Впрочем, в действительности политика португальской державы в колониях была далека от идеала расовой демократии, разрекламированного философом Фрейри и поддерживавшегося Салазаром. В частности, в Анголе существовало четкое деление на три «сорта» местных жителей. На верху социальной иерархии ангольского общества находились белые португальцы – приезжие из метрополии и креолы. Далее шли те самые «асимиладуш», о которых мы сказали чуть выше. Именно из «асимиладуш», кстати, постепенно формировались ангольские средние слои – колониальное чиновничество, мелкая буржуазия, интеллигенция. Что касается большинства жителей колонии, то они составляли третью категорию населения – «индиженуш». Самая многочисленная группа ангольских жителей была и самой дискриминируемой. «Индиженуш» составляли основную массу ангольских крестьян, «контрактадуш» – наемных работников на плантациях и рудниках, фактически находившихся на положении полурабов.

Лучшим показателем подлинной «расовой демократии» португальских колонизаторов оставались колониальные войска Португалии, дислоцированные в ее африканских владениях – не только в Анголе, но и в Мозамбике, Гвинее-Бисау, Сан-Томе и Принсипи и Кабо-Верде. В колониальных подразделениях офицерский и унтер-офицерский состав присылался из самой

Португалии, а младший сержантский и капральский состав набирался из числа португальских креолов, проживавших в колониях. Что касается рядовых солдат, то их набирали путем призыва белых поселенцев и путем найма чернокожих добровольцев. При этом солдаты разделялись на три категории – белые, «асимиладуш» – мулаты и «цивилизованные черные», и «индиженуш» – добровольцы из числа жителей внутренних провинций. Португальский генералитет не доверял чернокожим солдатам и даже мулатам, поэтому численность африканцев в рядах колониальных войск Португалии никогда не превышала 41 %. Естественно, что в армейских подразделениях дискриминация существовала в весьма жесткой форме. С другой стороны, армейская служба давала чернокожим ангольцам возможность не только обрести военную подготовку, но и поближе познакомиться с европейским образом жизни, в том числе и с социалистическими настроениями, которые, так или иначе, имели место среди некоторой части португальских призывников и даже офицеров. Колониальные войска играли основную роль в подавлении постоянно вспыхивавших восстаний туземного населения.

Вместе с тем, не только туземцы представляли опасность для португальского господства в Анголе. Куда большей угрозой колониальному порядку были как раз те самые «асимиладуш», которых португальская элита считала проводниками культурного влияния Португалии и идей лузотропикализма среди ангольского населения. Действительно, многие чернокожие африканцы, даже в годы правления Салазара получили возможность обучаться в метрополии, в том числе и в высших учебных заведениях. По сравнению с некоторыми другими странами это был несомненный прогресс. Но доступ к образованию, в свою очередь, открывал кореным ангольцам и выходцам из других африканских колоний Португалии, глаза на истинное положение вещей. Молодые «асимиладуш», отправлявшиеся учиться в Лиссабон и Коимбру с целью последующей чиновничьей карьеры в колониальной администрации, работы врачом или инженером, знакомились в метрополии с национально-освободительными и социалистическими идеями. Так, из числа образованных молодых людей, которые обладали определенными амбициями, но никогда бы не смогли реализовать их на практике в условиях португальского колониального управления, происходило формирование ангольской «контрэлиты». Уже в 1920-е гг. в Луанде появляются первые антиколониальные кружки. Естественно, что их создавали «асимиладуш». Португальские власти были очень обеспокоены – в 1922 г. они запретили Ангольскую лигу, выступавшую за улучшение условий труда для представителей «индиженуш» – наиболее бесправной части африканского населения. Затем появилось Движение молодых интеллектуалов Анголы во главе с Вириату да Крузом – оно выступало за защиту ангольской национальной культуры, а позже обратилось в ООН с просьбой о превращении Анголы в протекторат Организации Объединенных Наций. Интеллектуальное ядро ангольского национально-освободительного движения, между тем, начало формироваться как раз в метрополии – среди африканских студентов, обучавшихся в португальских вузах. Среди них были и такие будущие ключевые фигуры войны за независимость Анголы как Агостиньо Нето и Жонас Савимби. Несмотря на то, что впоследствии пути деятелей, ставших лидерами МПЛА и УНИТА, разошлись, тогда, в 1940-е гг., во время учебы в Португалии, они составляли единый кружок сторонников независимости Анголы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.